DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2018.18.004

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ШИПОВСКОГО КУРГАННО-ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРЕДУРАЛЬЕ

В.В. Овсянников

NEW MATERIALS ON THE SHIPOVO MOUND-SOIL BURIAL GROUND IN THE FOREST-STEPPE CIS-URALS

V. Ovsyannikov

Ключевые слова: курганно-грунтовый могильник, кара-абызская культура, погребальный обряд, ранний железный век, лесостепное Предуралье

Публикуются материалы раскопок Шиповского курганно-грунтового могильника (лесостепное Предуралье) 2008 года. В этот год был исследован курган 5 III группы курганов – нового участка могильника, открытого в 2000 г. Рассматривается погребальный обряд многомогильного кургана (семь погребений под насыпью), в частности, обращается внимание на принципы размещения (планировку) погребений под курганной насыпью. Анализ погребального обряда и инвентаря позволил сделать вывод о наиболее позднем времени возникновения курганной группы III по сравнению с остальной курганной частью могильника. Абсолютная дата сооружения кургана определяется в пределах второй половины III – начала II вв. до н.э. В культурном отношении погребальный обряд кургана 5 продолжает традиции шиповской группы кара-абызской культуры.

Keywords: mound-soil burial ground, Kara-Abyz culture, burial rite, early Iron age, forest-steppe Cis-Urals

The article publishes materials from the excavations of the Shipovo mound-soil burial ground (forest-steppe Cis-Urals) of 2008. This year mound 5 was explored a new section of the burial ground, discovered in 2000 – the III-rd group of mounds. The work analyzes the burial rite of a multi-grave mound (seven burials under the mound), in particular, attention is paid to the principles of placement (layout) of burials under the mound. Analysis of the burial rite and inventory allowed the author to conclude about the latest time of appearing of the barrow group III, in comparison with the rest of the mound part of the burial ground. The absolute date of the construction of the mound is determined to be within the second half of the III – beginning of the II centuries BC. Culturally, the burial rite of Barrow 5 continues the traditions of the Shipovo group of the Kara-Abyz culture.

Шиповский курганно-грунтовый могильник (КГМ) расположен в 25 км юго-восточнее г. Уфы, на правом, высоком и обрывистом берегу р. Белой, на окраине д. Шипово Иглинского района Башкортостана. В течение 6 полевых сезонов (1965-1967, 1969, 1972 и 1978 гг.) могильник исследовался экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка. В результате раскопок было установлено, что памятник состоит из нескольких культурно-хронологических частей.

Наиболее ранние комплексы некрополя расположены в его юго-западной части. Здесь в обрыве берега р. Белая местными жителями была собрана небольшая коллекция вещей, относящаяся к ананьинскому периоду [Пшеничнюк, 1982. Рис. 4]. Эта часть некрополя получила название Старший Шиповский могильник, исследованные здесь погребения датированы VI-V вв. до н.э. [Там же. С. 101]. Также на площадке Старшего могильника были исследованы и погребения эпохи средневековья (начало II тыс. н.э.) [Гарустович, 2005. С. 37-44].

Центральную часть могильника занимает большой массив грунтовых погребений, исследованных А.Х. Пшеничнюком в раскопах V и VII (рис. 1). Они были датированы им в пределах I-III вв. н.э. [Пшеничнюк, 1976. С. 77]. В 1993-1994 гг. исследования грунтовой части некрополя были продолжены В.В. Овсянниковым (раскопы XIII и XIV). В раскопе XIV были исследованы погребения рубежа эр, а в раскопе XIII – II – середины IV вв. н.э. [Овсянников и др., 2007. С. 83].

Во второй год исследования могильника (1966) была открыта его курганная часть. Курганы копались на протяжении четырех сезонов (1966-1967, 1969 и 1972 гг.). Всего было исследовано 14 насыпей, содержащих более 40 погребений. Автором раскопок курганы были разделены на две группы. Группа I расположена на наиболее высокой части террасы, примыкающей к берегу реки и свободной от древесной растительности. Здесь было выявлено 11 насыпей, 8 из которых было исследовано. В группе выделены две цепочки-скопления насыпей (рис. 1). Материал, полученный из погребений этой группы, был датирован автором IV-III вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1976. С. 74].

В группу II курганов были выделены насыпи, расположенные в глубине террасы, на мысу, образованном краем речной террасы и глубоким овра-

© Овсянников В.В., 2018. УАВ. Вып. 18. С. 43-62.

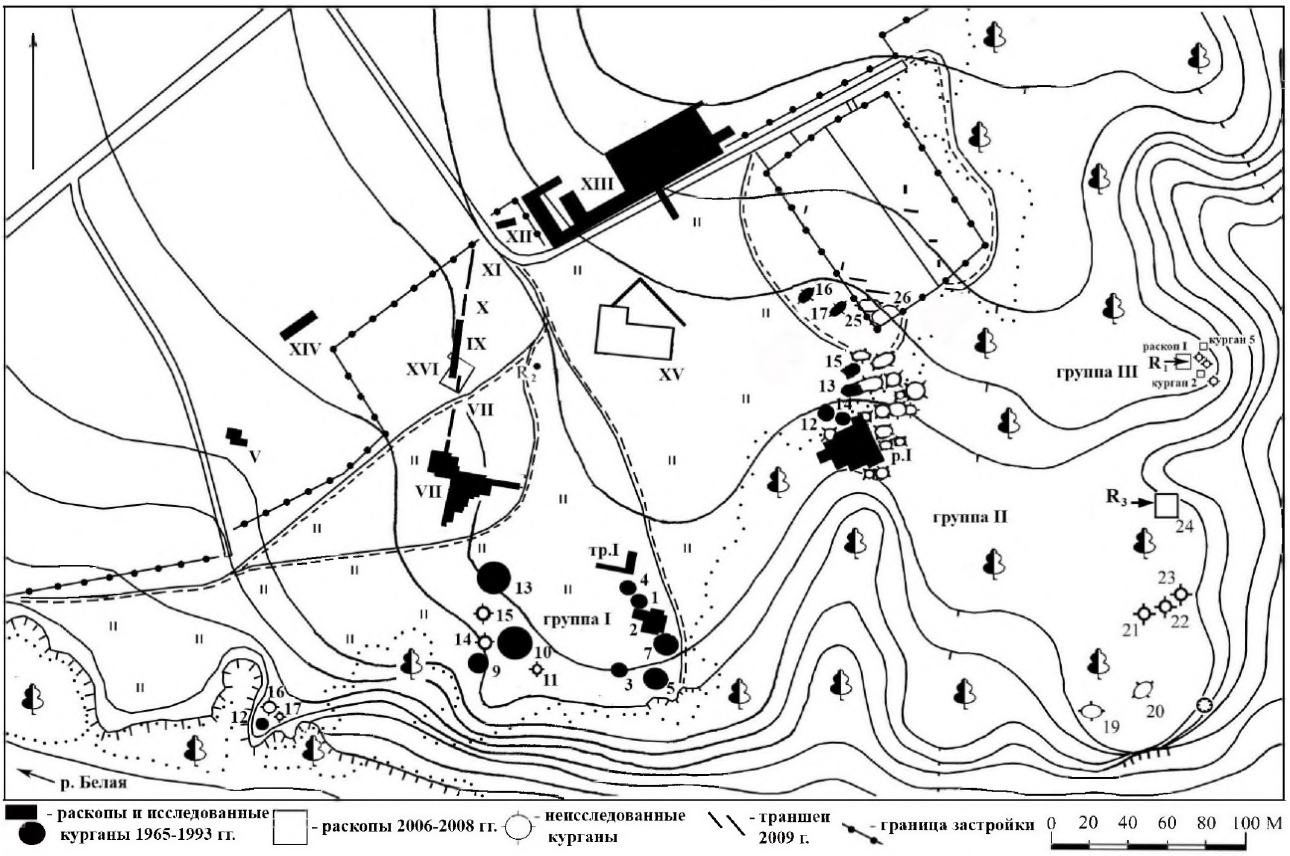

Рис. 1. План Шиповского курганно-грунтового могильника (КГМ)

Fig. 1. Plan of Shipovo mound-soil burial ground (MSBG)

гом, разделяющим могильник и городище. Основная часть курганов покрыта широколиственным лесом (рис. 1). А.Х. Пшеничнюком было исследовано шесть из них (№№ 12-17), расположенных на опушке. Материал, полученный из этих курганов датирован автором раскопок III-I вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1976. С. 74].

Следующий этап исследований связан с охранными работами И.М. Акбулатова в 1989 г. Тогда был исследован курган из группы I. Автором раскопок было принято решение ввести обособленную нумерацию для обеих групп Шиповских курганов. Поэтому исследованный курган получил номер 12 [Овсянников и др., 2007. С. 6]. Этот курган занимает крайне западное положение в I группе курганов. Он маркирует третье скопление насыпей в этой группе, о существовании которой нет упоминаний у А.Х. Пшеничнюка (рис. 1). Вероятно, к этому же скоплению группы I имеет отношение разрушенное погребение, доисследованное Г.Н. Гарустовичем в 1985 году [Там же. Рис. 26].

Для дальнейших раскопок И.М. Акбулатовым была намечена II группа курганов: с ростом дачного строительства опушка леса, где располагались курганы, стала использоваться для изъятия чернозема и свалки мусора. Приступая к раскопкам, автор столкнулся с проблемой выделения отдельных насыпей на поверхности. При ближайшем осмотре стало ясно, что исследованные А.Х. Пшеничнюком курганы были наиболее выражены топографически и обозначали северо-западную границу распространения группы. Основная же масса курганов располагалась плотными рядами, сливаясь полами друг с другом. Усиливали этот эффект масса грабительских вкопов и траншей, а также густая кустарниково-древесная растительность. Этим объясняет-

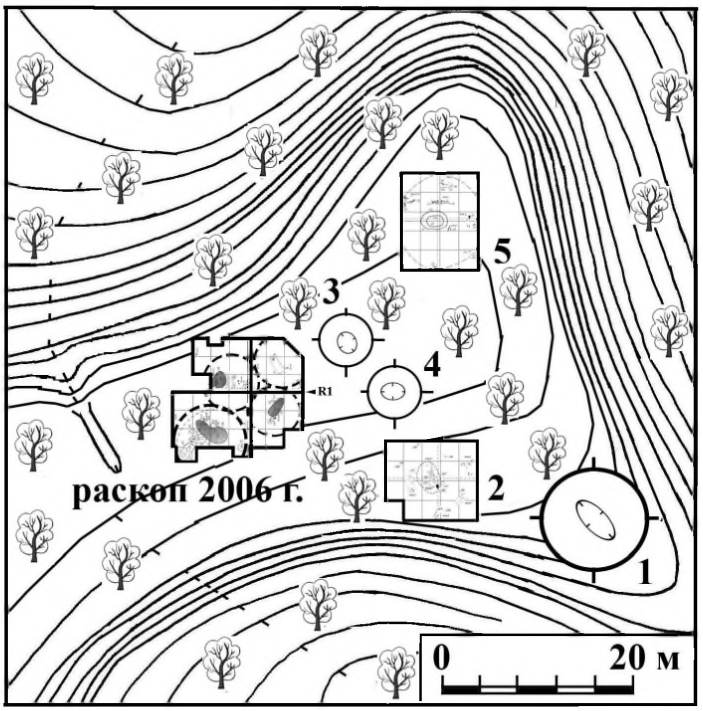

Рис. 2. План III группы курганов Шиповского КГМ

Fig. 2. Plan of the III group of barrows of the Shipovo MSBG

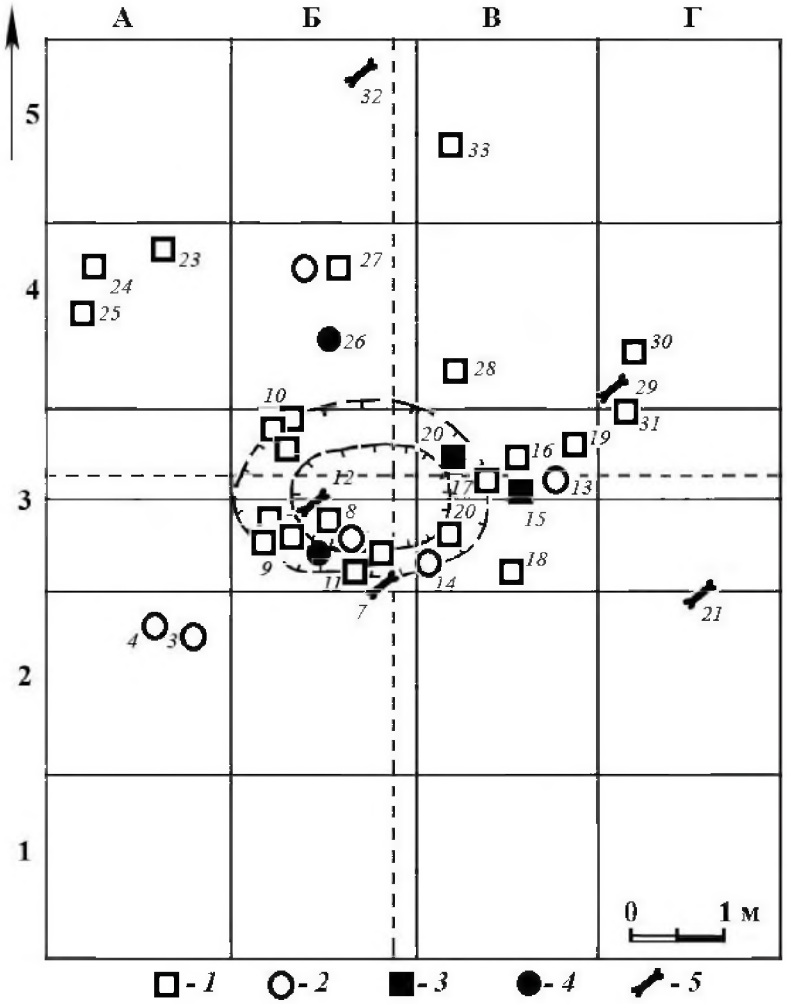

Рис. 3. Расположение находок в насыпи кургана 5 группы III Шиповского КГМ. *1* – фрагмент керамики; *2* – изделия из бронзы; *3* – изделия из глины; *4* – изделия из железа; *5* – кости животных (нумерация соответствует номерам перечня находок в тексте)

Fig. 3. The location of finds in the mound of the barrow 5 of group III of Shipovo MSBG. *1* – ceramic fragment; *2* – bronze items; *3* – clay products; *4* – iron products; *5* – animal bones (numbering corresponds to the numbers of the list of finds in the text)

ся то, что А.Х. Пшеничнюком не был снят общий план этой группы курганов, а лишь обозначена граница распространения насыпей [Пшеничнюк, 1976. Рис. 1].

Исходя из этих обстоятельств, И.М. Акбулатовым было принято решение вскрывать курганное поле сплошным раскопом, с фиксацией материала по поселенческой методике. То есть раскоп был разбит на квадраты 2×2 м, оставлены бровки и т.д. [Овсянников и др., 2007. С. 6]. Благодаря этой методике на площади раскопа, как в границах насыпей, так и в межкурганном пространстве, были зафиксированы многочисленные следы ритуально-поминальных действий. Всего в пределах раскопа площадью 688 м^2 было исследовано 15 погребений под семью насыпями [Овсянников и др., 2007. С. 7-12].

В целом, исследования И.М. Акбулатова позволили получить новый материал для характеристики II группы Шиповских курганов. Они подтвердили датировку данной группы III-I вв. до н.э. и показали существование целого спектра ритуально-поминальных действий, совершавшихся в период функционирования некрополя. Также эти исследования дали возможность заключить, что раскопанная часть группы является поздней и предположить наличие более ранних насыпей восточнее, в глубине лесного массива [Овсянников и др., 2007. С. 81-82].

В ходе плановой паспортизации В.В. Овсянниковым и Н.С. Савельевым в 2000 году было обнаружено, что курганы в лесном массиве распространяются значительно дальше на север, чем предполагалось ранее. Здесь на отдельно выраженном мысу было выявлено не менее 5 хорошо читаемых курганных насыпей. Это скопление получило название III группа курганов (рис. 1).

Для получения данных о времени образования курганной группы III в 2006 и 2008 гг. здесь было заложено три раскопа: на насыпи курганов 2 и 5, а также заложен сплошной раскоп на участке с неярко выраженными насыпями (рис 2). Исходя из опыта предыдущих исследований, были заложены прямоугольные раскопы, ориентированные по сторонам света и разбитые на квадраты со стороной 2 м. Вскрытие слоев и фиксация находок в насыпи производилась по поселенческой методике.

Частично сведения об этих раскопках приведены в ряде работ [Овсянников, 2009; 2010; 2014; Савельев, 2010а; 2010б]. В данной статье вводятся в оборот материалы, полученные из кургана 5. Данный курган занимает крайнее северное положение в группе III. Его насыпь достаточно четко выделялась на поверхности. Размеры насыпи 10×8 м, высота 0,6-0,75 м. В центре фиксировалась грабительская яма. Размеры ямы 2,5×4 м, глубина 0,4 м. Насыпь поросла деревьями и кустарником, поверхность задернована, современных повреждений не зафиксировано.

На кургане был заложен раскоп площадью 80 м^2, ориентированный по сторонам света. Площадь раскопа разбита на квадраты со стороной 2 м, им дана буквенно-цифровая индексация. Стратиграфия раскопа фиксировалась по стенкам раскопа и двум перпендикулярным бровкам, проходящим по центру раскопа (рис 3-4). Нивелировка велась от репера (R1), расположенного в центре восточной стенки раскопа I (рис. 2), т.е. высотные показатели для всех раскопов группы III являются едиными.

Стратиграфия насыпи кургана выглядит следующим образом (рис. 4). Вся поверхность раскопа покрыта тонким слоем лесного дерна толщиной не более 0,05 м. Непосредственно под дерном на большинстве площади раскопа залегал слой светло-коричневой супеси (рис. 4, слой 1). В центре насыпи этот слой достигал 0,7-1,0 м, по краям раскопа этот слой уменьшается до 0,15-0,2 м. В северо-запад-

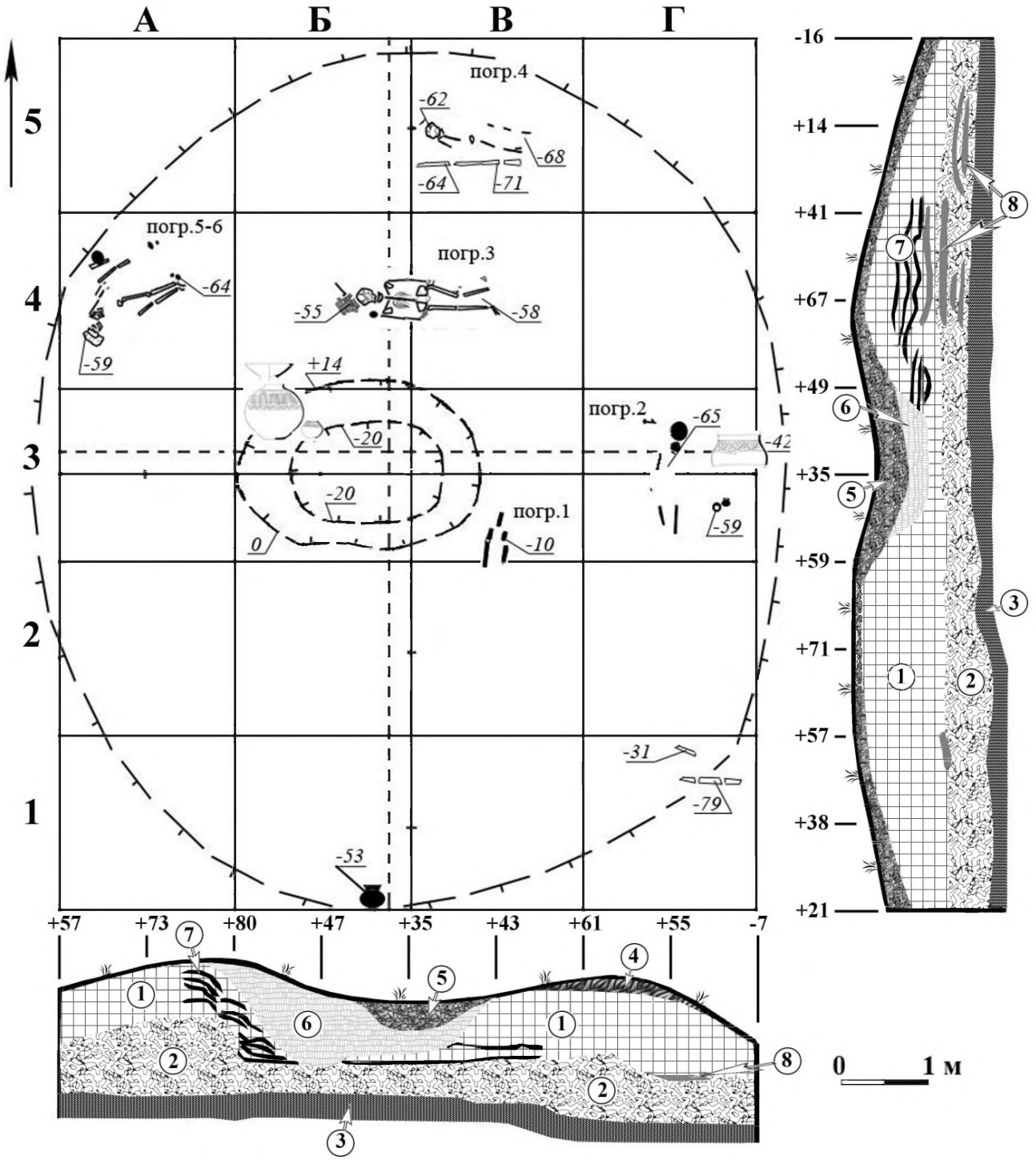

Рис. 4. План и профили раскопа кургана 5 группы III Шиповского КГМ.
1 – светло-коричневая супесь (насыпь 2); *2* – серо-коричневая супесь (насыпь 1); *3* – темно-коричневый суглинок (предматерик); *4* – выкид из грабительской ямы; *5* – серый (лесной) гумус; *6* – заполнение грабительской ямы; *7* – следы выкладки из дерна; *8* – линзы органики (подстилка в погребениях)

Fig. 4. The plan and profiles of the excavation of the barrow 5 of group III of the Shipovo MSBG.
1 – light brown sandy loam (mound 2); *2* – taupe sandy loam (mound 1); *3* – dark brown loam (pre-natural); *4* – extrusion from a predatory pit; *5* – gray (forest) humus; *6* – filling of a predatory pit; *7* – traces of turf laying; *8* – organic lenses (bedding in burials)

ном и северо-восточном углах раскопа слой супеси выклинивается. В центральной части раскопа слой супеси неравномерно перекрыт серым лесным гумусом мощностью 0,25-0,30 м (рис. 4, слой 5). Центр слоя супеси нарушен грабительской ямой. Размеры ямы в верхней части 2,75×1,95 м, у дна – 1,75×1,15 м, ее общая глубина от современной поверхности – 0,6-0,8 м. До глубины 0,35 м яма заполнена лесным гумусом, ниже залегает перемешанный слой супеси, гумуса и суглинка (рис. 4, слой 6). В этом заполнении ямы и выкидах из нее (рис. 4, слой 4) на различной глубине встречены отдельные вещи, фрагменты керамики и кости животных (рис 3).

В центре слоя светло-коричневой супеси зафиксирована страта, имеющая слоистую структуру (рис. 4, слой 7). Тонкие слои (не более 0,01 м) темного оттенка чередовались со светлыми (толщиной

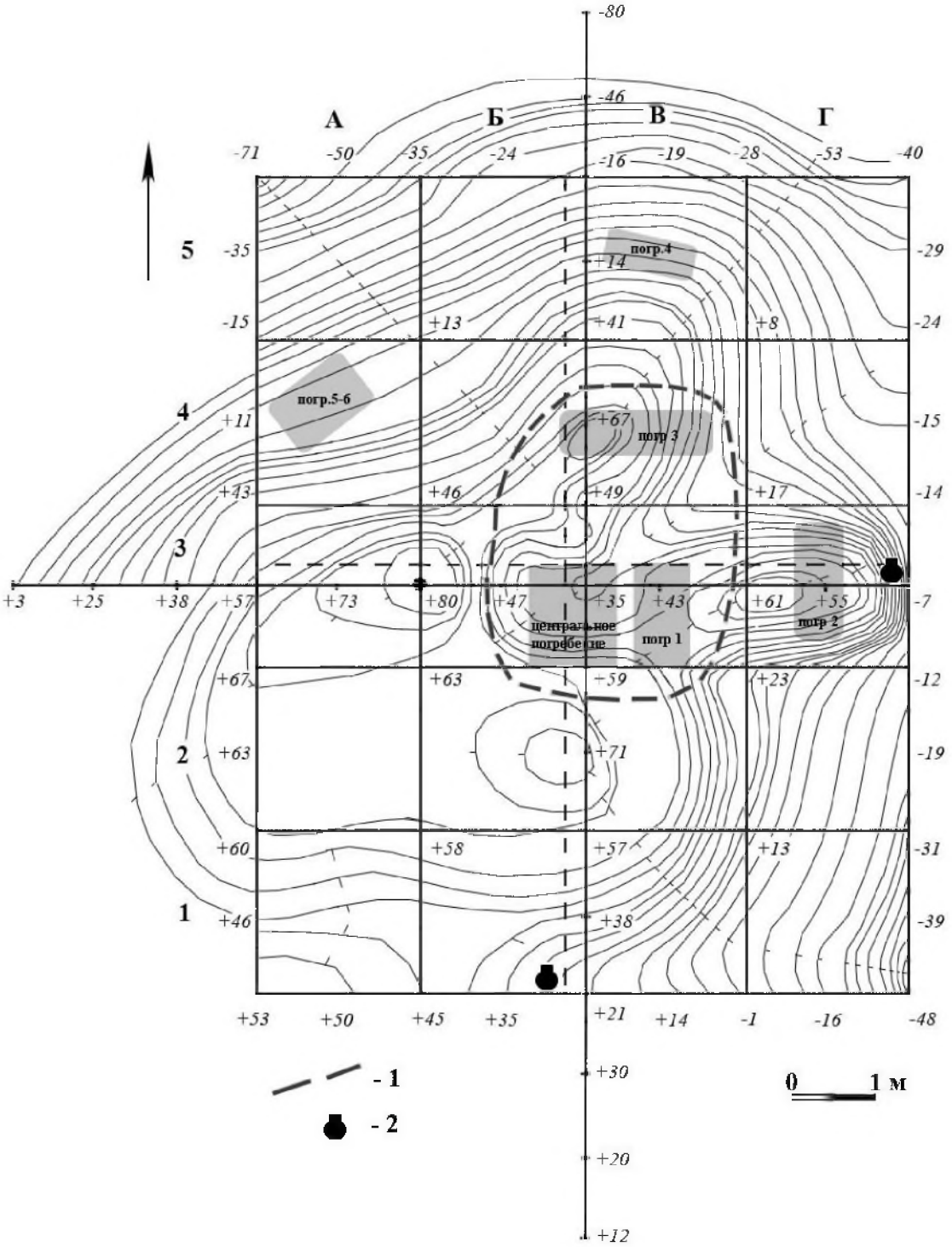

Рис. 5. План нивелировки и микрорельеф поверхности кургана 5 группы III Шиповского КГМ. Сечение горизонталей через 10 см. *1* – условная граница пирамиды из дерна; *2* – глиняные сосуды

Fig. 5. Leveling plan and surface microrelief of the mound 5, group III, Shipovo MSBG. Horizontal section in 10 cm. *1* – conditional border of the turf pyramid; *2* – clay vessels

0,1 м). Слои располагались горизонтально. Эта линза фиксировалась в бровке по линии север-юг в кв. Б/4. Верхняя часть линзы фиксировалась на глубине 0,5 м от современной поверхности. Мощность линзы – 0,35-0,45 м. Общая длина линзы 2,2 м. Непосредственно под этой линзой располагалось погребение 3. Также остатки этой страты фиксируются и в широтной бровке, в центре насыпи. Данные прослойки перекрывали погребение 1. Значительная часть этой страты разрушена грабительской ямой.

Под светло-коричневой супесью (слой 1) залегал слой более плотной серо-коричневой супеси (рис. 4, слой 2). Средняя мощность этого слоя 0,3 м. Также как и слой 1 (светло-коричневая супесь) он выклинивается по углам раскопа. Совпадая по площади распространения со слоем 1, слой 2 при этом несколько деформирован в юго-западном секторе насыпи. Здесь на широтной бровке наблюдается что-то вроде ступеньки или уступчика. В совокупности эти слои (1 и 2) представляют собой насыпь кургана, которая частично выходит за пределы рас-

копа, особенно в западном и восточном секторах. Четкие края слоев 1 и 2 (т.е. границы насыпи) фиксируются лишь в северных углах раскопа, что видно только на профилях северной и прилегающих участках западной и восточной стенках раскопа.

На границе слоев 1 и 2 были расчищены погребения 3, 4, 5-6. На меридиональной бровке фиксируются линзы темного грунта (подробнее будут описаны ниже, при описании погребений), относящиеся к этим погребениям (рис. 4).

Слои, относящиеся к насыпи, подстилались предматериковым темно-коричневым суглинком мощностью 0,1-0,2 м (рис. 4, слой 3). В юго-восточном углу раскопа этот слой отсутствует. Здесь под насыпью сразу залегает материковая светло-коричневая глина, которая подстилает суглинок на всей площади раскопа.

В ходе вскрытия насыпи были сделаны многочисленные находки. Номера в списке соответствуют номерам на рис. 3:

1) кв. Б1, гл. 0,74 м – глиняный орнаментированный сосуд крайне слабого обжига (не поддается реконструкции);

2) кв. Г1, гл. 0,4 м – сгоревшие деревянные плахи (рис. 4);

3) кв. А2, гл. 0,4 м – бронзовое зеркало (рис. 6, *16*; 13, *1*);

4) кв. А2, гл. 0,4 м – обломки бронзовых портупейных обойм (рис. 6, *6-7*);

5) кв. Б3, гл. 0,77 м – фрагменты железных удил и фрагмент втулки (рис. 6, *12-14, 19*);

6) кв. Б3, гл. 0,77 м – 2 бронзовых наконечника стрел (рис. 6, *3-4*);

7) кв. Б3, гл. 0,3 м – костяная ложечка (рис. 6, *11*);

8) кв. Б3, гл. 0,4 м – 8 фрагментов керамики от лепного орнаментированного сосуда с примесью песка (рис. 7, *6*), фрагменты железа и бронзы;

9) кв. Б3, гл. 0,4 м – скопление фрагментов керамики от одного лепного орнаментированного сосуда с примесью талька (рис. 7, *5*);

10) кв. Б/В3, гл. 0,2 м – скопление фрагментов керамики от одного лепного орнаментированного сосуда с примесью талька (рис. 6, *18, 23, 27*);

11) кв. Б3, гл. 0,5 м – скопление фрагментов гончарной курильницы (рис. 7, *4*; 9, *4*);

12) кв. Б3, гл. 0,4 м – зуб животного;

13) кв. В3, гл. 0,45 м – бронзовый спиральный перстень (рис. 6, *1*);

14) кв. В3, гл. 0,8 м – бронзовый наконечник стрелы (рис. 6, *2*);

15) кв. В3, гл. 0,6 м – орнаментированное пряслице из талька (рис. 6, *15*; 10, *1*);

16) кв. В3, гл. 0,65 м – фрагмент лепного неорнаментированного венчика (рис. 6, *21*);

17) кв. В3, гл. 0,2 м – фрагменты лепного орнаментированного сосуда с примесью талька (рис. 6, *22, 24-26, 28*);

18) кв. В3, гл. 0,2 м – фрагменты идентичного сосуда;

19) кв. В3, гл. 0,7 м – фрагменты идентичного сосуда;

20) кв. В3, гл. 0,6 м – каменное основание терочника в обломках;

21) кв. Г3, гл. 0,9 м – зуб животного;

22) кв. Г3, гл. 0,4 м – развал лепного орнаментированного сосуда с примесью органики (рис. 7, *12*; 9, *2*);

23) кв. А4, гл. 0,4 м – фрагмент неорнаментированной стенки лепного сосуда с примесью белой крошки;

24) кв. А4, гл. 0,1 м – фрагмент неорнаментированной стенки от идентичного сосуда;

25) кв. А4, гл. 0,5 м – 2 фрагмента венчиков от лепных сосудов с примесью органики (рис. 6, *20*);

26) кв. Б4, гл. 0,4 м – железный крючок (рис. 6, *8*);

27) кв. Б4, гл. 0,4 м – неорнаментированный фрагмент стенки лепного сосуда и фрагмент бронзы (?);

28) кв. В4, гл. 0,2 м – 2 неорнаментированных фрагмента стенок лепного сосуда с примесью органики и талька;

29) кв. Г4, гл. 0,2 м – фрагмент длинной кости животного;

30) кв. Г4, гл. 0,2 м – неорнаментированный фрагмент стенки лепного сосуда с примесью талька;

31) кв. Г4, гл. 0,2 м – 2 неорнаментированных фрагмента стенок лепного сосуда с примесью талька;

32) кв. Б5, гл. 0,3 м – обработанная кость животного (рис. 6, *10*);

33) кв. В5, гл. 0,2 м – 3 фрагмента днища лепного сосуда с примесью талька (идентичен № 9).

Находки в основном концентрируются в центре насыпи, возле границ грабительской ямы. Вероятно, вещи, керамика и кости животных происходят из разрушенного центрального погребения. У края насыпи найдены два глиняных лепных сосуда (№№ 1, 22), оставшиеся от каких-то поминальных действий, совершенных в древности.

Сосуд № 1 имеет горшковидную форму, округлое дно, низкое горло и реповидное тулово. В верхней части тулова фиксировался орнамент из точек и зигзагообразных прочерченных линий. Сосуд был установлен в небольшую ямку, вырытую в слое плотной серо-коричневой супеси. Размеры ямки 0,7×0,35 м глубина 0,15 м. На профиле южной стенки раскопа (кв. Б1) фиксируется выкид и затек от этой ямки. Непосредственно над расположением ямки в верхней части насыпи фиксируется заполненное гумусом углубление. В ходе расчистки выявилось, что установленный в ямку горшок имеет либо очень слабый обжиг, либо не имеет обжига вообще, поэтому его реконструкция невозможна (рис. 9а). Сосуд не имеет следов длительного использования. Вероятно, он изготовлен специально для погребально-поминальной церемонии.

Сосуд № 22 имеет горшковидную форму с округлым дном, низким горлом и округлым туловом. Диаметр по шейке 12 см; диаметр тулова 16 см. Горшок был установлен на уровне верхней границы плотной серо-коричневой супеси. Горшок

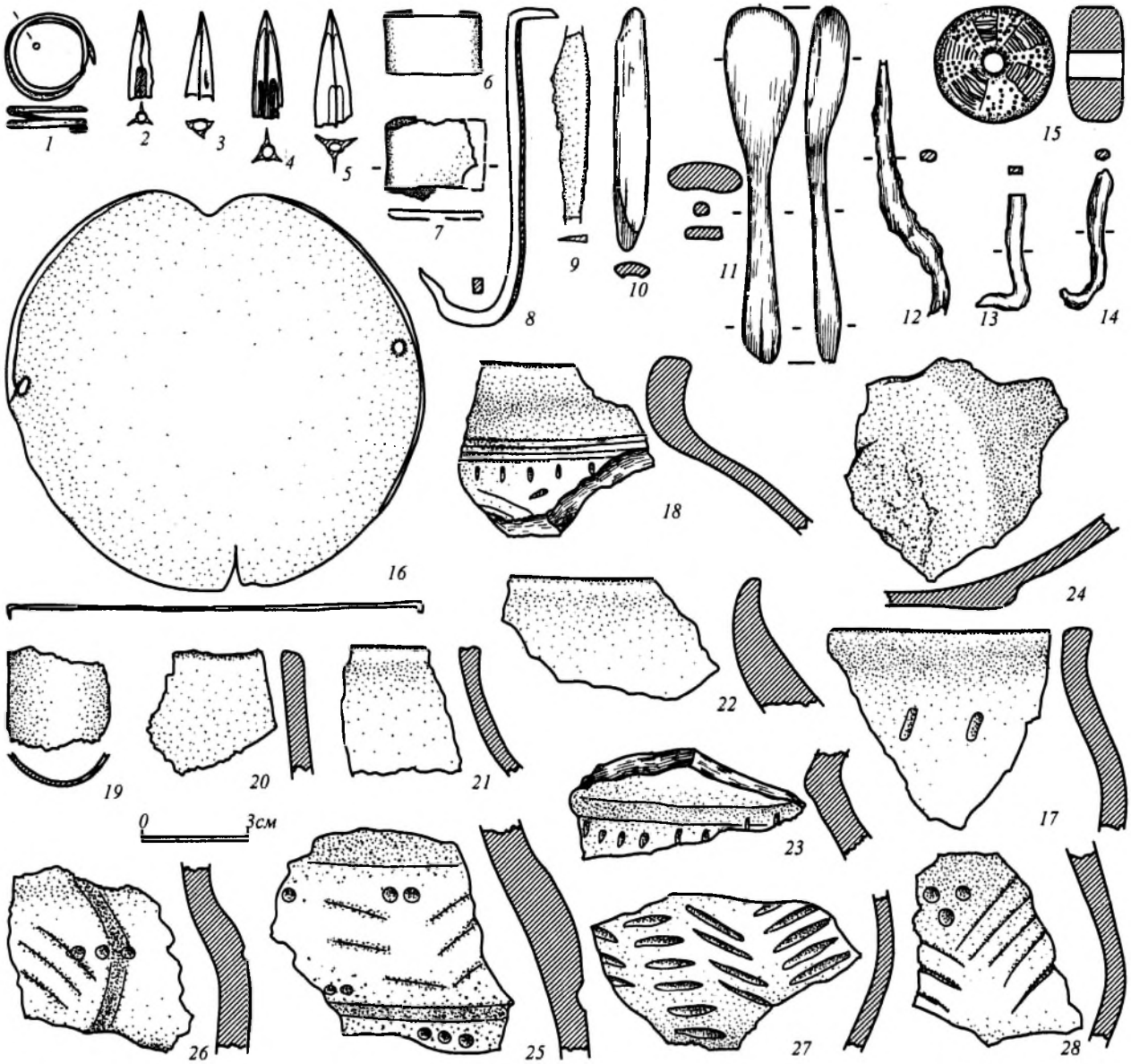

Рис. 6. Находки из насыпи кургана 5 группы III Шиповского КГМ:
1-7, 16 – бронза; *8-9, 12-14, 19* – железо; *10-11* – кость; *15* – камень; *17-18, 20-28* – керамика (*1-2, 15, 21-22, 24-26, 28* – кв. В3; *3-4, 11-14, 19* – кв. Б3; *6-7, 16* – кв. А2; *8* – кв. Б4; *10* – кв. Б5; *18, 23, 27* – кв. Б/В3; *20* – кв. А4)

Fig. 6. Finds from the mound of the barrow 5 of group III of the Shipovo MSBG:
1-7, 16 – bronze; *8-9, 12-14, 19* – iron; *10-11* – bone; *15* – stone; *17-18, 20-28* – ceramics (*1-2, 15, 21-22, 24-26, 28* – sq. B3; *3-4, 11-14, 19* – sq. Б3; *6-7, 16* – sq. A2; *8* – sq. Б4; *10* – sq. Б5; *18, 23, 27* – sq. Б/В3; *20* – sq. A4)

лежал на боку, горлом на восток. В тесте примесь органики, поверхность сосуда покрыта раковинами от выгоревшей примеси. В верхней части сосуда нанесен орнамент из насечек и прочерченных линий, скомпонованных в треугольники. Обжиг слабый, тесто рыхлое, легко рассыпающееся (рис. 7, *12*; 9, *2*). Сосуд не имеет следов длительного использования. Возможно, он изготовлен специально для погребально-поминальной церемонии.

В кв. Г5 встречены остатки двух сгоревших деревянных плах, вытянутых по линии запад-восток. Размеры плах 0,93×0,1 и 0,3×0,1 м. Плахи залегали на глубине 0,4 м от современной поверхности. Стратиграфически они располагались на уровне верхней границы плотной серо-коричневой супеси.

В насыпи кургана было выявлено 6 погребений (рис. 4).

Погребение 1. Выявлено в кв. В3 на глубине 0,33 м от современной поверхности в слое светло-коричневой супеси. Границы могильной ямы не прослеживались (рис. 7, *1*). Погребение сильно нарушено грабительской ямой. В непотревоженном виде сохранились кости ног и нижняя часть позвоночника. Судя по ним, умерший был уложен на спину головой на север с небольшим отклонением к востоку, с вытянутыми ногами. Снаружи правой голени лежал бронзовый спиральный перстень (рис. 7, *2*). Аналогичный перстень был найден выше погребения (рис. 6, *1*). Над погребением также были найдены мелкие неорнаментированные фрагменты стенок лепных сосудов, костей животных, фрагмент бронзовой обоймы (рис. 7, *3*) и мелкие угольки. Под остатками костяка зафиксированы мелкие угольки.

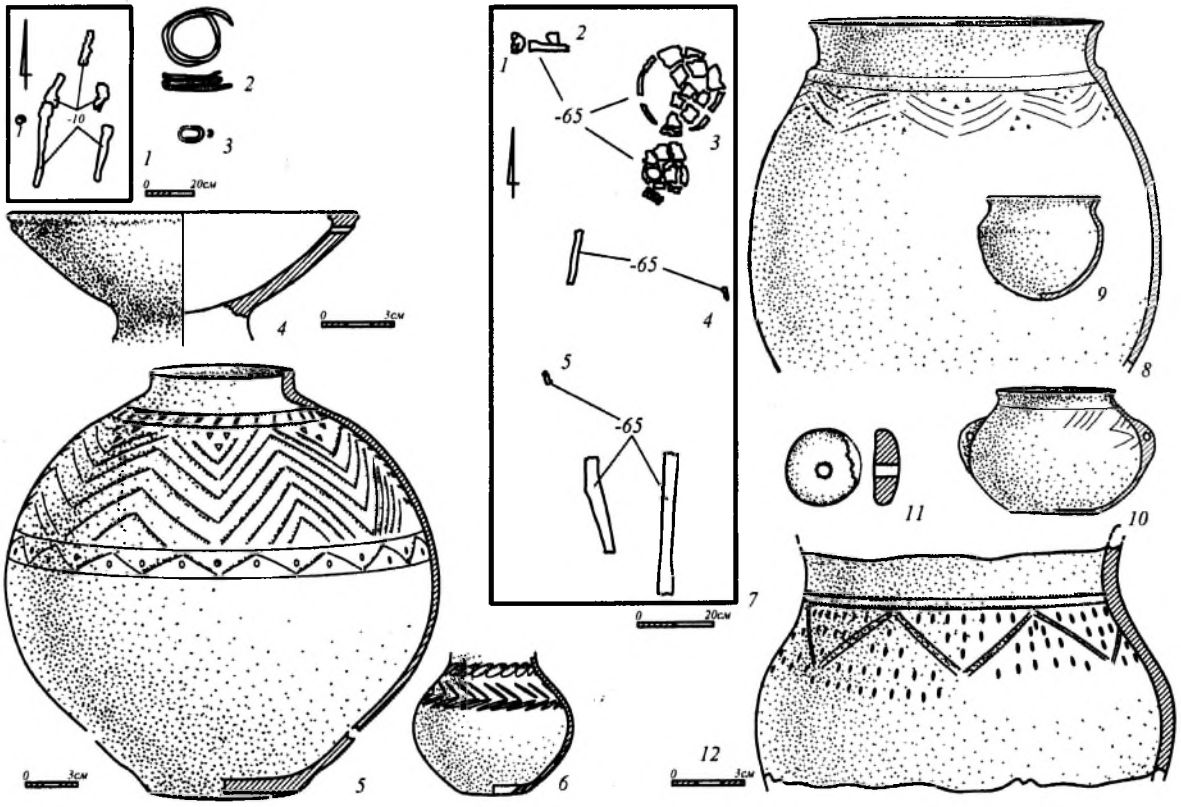

Рис. 7. План и инвентарь погребения 1 (*1-4*), 2 (*7-11*) и насыпи (*5-6, 12*) кургана 5 группы III Шиповского КГМ: *2-3* – бронза; *4-6, 8-12* – керамика (*4, 6* – кв. Б3; *5* – кв. Б3/Б5; *12* – кв. Г3)

Fig. 7. Plan and inventory of grave 1 (*1-4*), grave 2 (*7-11*) and mound (*5-6, 12*) barrow 5 group III of the Shipovo MSBG: *2-3* – bronze; *4-6, 8-12* – ceramics (*4, 6* – sq. Б3; *5* – sq. Б3/Б5; *12* – sq. Г3)

Погребение 2. Выявлено в кв. Г3 на глубине 1,2 м, на уровне верхней границы плотной серо-коричневой супеси. Границы могильной ямы не прослеживались (рис. 7, *7*). Костяк плохой сохранности, череп раздавлен. Сохранились голени и правое предплечье. Судя по ним, умерший был уложен на спину, головой на север с вытянутыми конечностями.

За головой умершего – развал сосуда. Сосуд плохой сохранности, горшковидной формы с низким горлом и резко отогнутым наружу венчиком. Тулово округлой формы, дно не реконструируется. В глине сосуда примесь талька и органики. Поверхность сосуда пористая от выгоревшей органики. Керамика тонкая и рыхлая, плохого обжига. На верхней части сосуда нанесен плохо фиксируемый орнамент из насечек и прочерченных линий. С внутренней стороны стенок фиксируется слабый нагар (рис. 7, *8*; 9, *1*).

В 0,4 м к северо-западу от головы умершего находились глиняный лепной горшочек и кость животного. Сосудик небольшого размера, его диаметр по венчику 5 см, высота 5,4 см, имеет низкое горло с отогнутым наружу венчиком, реповидное тулово и уплощенное дно. В верхней части тулова плохо читаемый орнамент из прочерченных линий. По бокам тулова – два налепных ушка для подвешивания. В глине примесь талька (рис. 7, *10*; 9, *3*).

Справа и слева от остатков костяка по одному окислившемуся железному предмету. В 1,2 м к юго-востоку от области стоп погребенного, выше на 0,15 м найдено глиняное пряслице, в глине примесь талька (рис. 7, *11*; 10, *2*) и небольшой глиняный лепной неорнаментированный сосудик (рис. 7, *9*). В глине сосуда – примесь талька. Сосуд изготовлен небрежно и не носит следов использования.

Погребение 3. Выявлено в кв. Б-В/4 на глубине 1,23 м от современной поверхности, на границе предматерикового суглинка и плотной серо-коричневой супеси.

Непосредственно над погребением (выше на 0,2 м) в слое серо-коричневой супеси залегала линза темного грунта, размером 1,4×2,5 м, мощностью 0,1 м. Выше данной линзы через 0,1 м залегала аналогичная таких же размеров. Стратиграфически вторая линза залегала поверх слоя серо-коричневой супеси. Выше описанных слоев залегала линза грунта слоистой структуры. Темные слои (толщина 0,01 м) чередовались светлыми (толщина 0,1 м). Нижняя граница слоистой линзы проходит на глубине 0,75 м, верхняя граница – на глубине 0,5 м. Общие размеры этой линзы достигают 1,75×3,2 м. Погребение перекрыто слоем плотной серо-коричневой супеси.

Костяк неудовлетворительной сохранности находился в непотревоженном состоянии (рис. 8, *1*). Мужчина 45-55 лет (matures II)[1] был уложен вытянуто на спину, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Над и под костяком прослеживался ор-

[1] Ондотологические определени канд.ист.наук. Н.А. Лейбовой (Суворовой), также и далее (погр. 4, 5, 6).

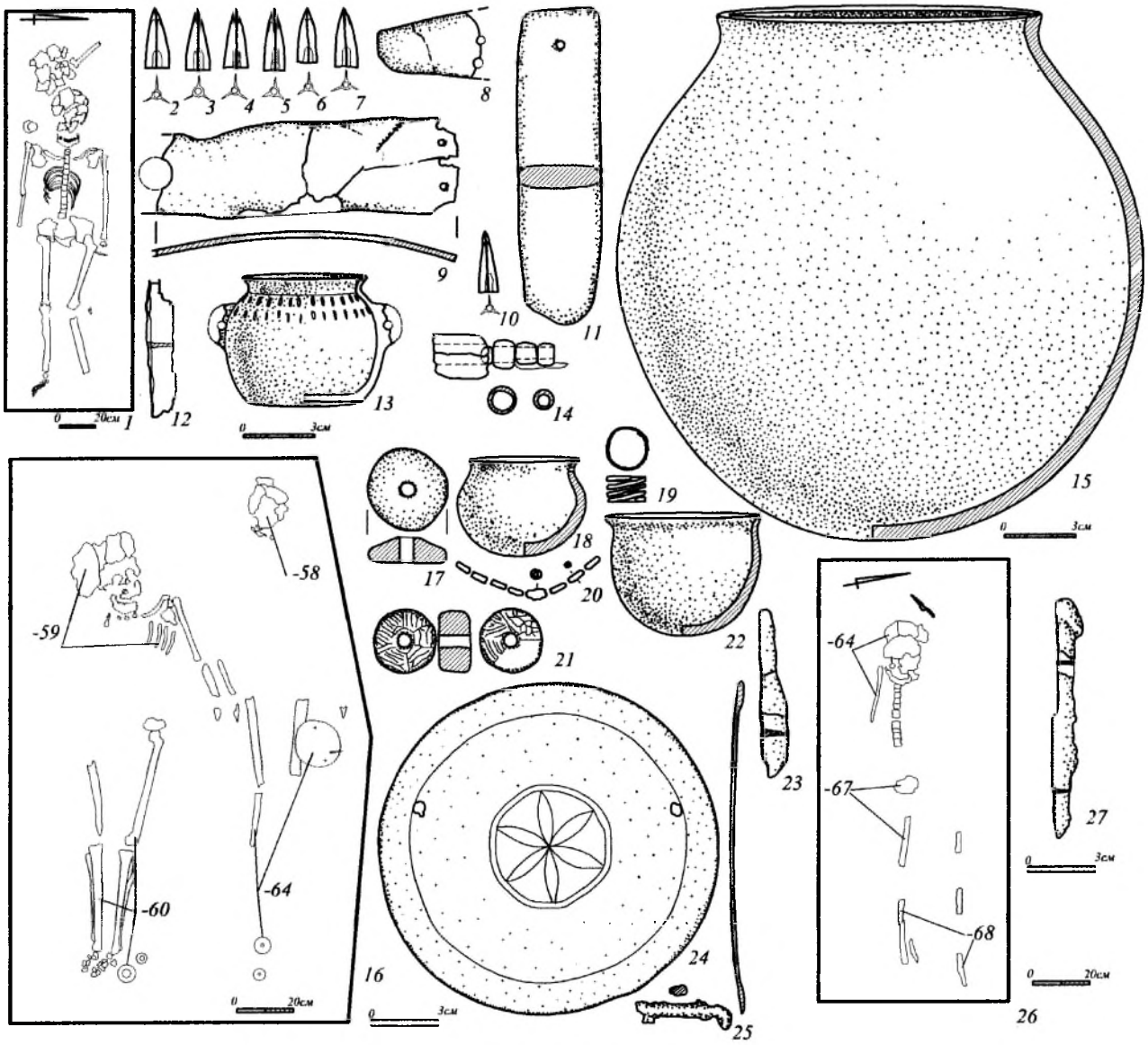

Рис. 8. Планы и инвентарь погребений 3 (*1-14*), 4 (*26-27*) и 5-6 (*16-25*); *2-7, 10, 19, 24* – бронза; *8-9* – кость; *11, 21* – камень; *12* – железо; *13, 15, 17-18, 22* – керамика; *14, 23, 25, 27* – железо, бронза, кожа; *20* – стекло

Fig. 8. Plan and inventory: grave 3 (*1-14*), grave 4 (*26-27*) and grave 5-6 (*16-25*): *2-7, 10, 19, 24* - bronze; *8-9* - bone; *11, 21* - stone; *12* - iron; *13, 15, 17-18, 22* - ceramics; *14, 23, 25, 27* - iron, bronze, leather; *20* - glass

ганический тлен в виде линз темного цвета. Линзы толщиной не более 0,05 м, их размер 0,6×1,9 м.

За головой умершего – развал глиняного лепного неорнаментированного сосуда. Сосуд горшковидной формы с низким горлом и слабо отогнутым венчиком. Тулово вытянуто-округлой формы и круглым дном (рис. 8, *15*; 9, *5*). Диаметр по венчику 14 см; высота 24 см, толщина стенок 0,5 см. В глине примесь раковины и органики.

Рядом с сосудом – длинная кость животного. У правого плеча находился небольшой глиняный лепной сосудик горшковидной формы с низким горлом и отогнутым наружу венчиком (рис. 8, *13*). Тулово округлой формы, дно плоское. По бокам тулова два сломанных ушка с отверстиями для подвешивания. На верхней части тулова нанесен орнамент из двух рядов вертикальных насечек. В глине горшочка примесь раковины.

Между тазовыми костями и правым предплечьем – каменный оселок (рис. 8, *11*) и костяная поясная пластина в двух фрагментах (рис. 8, *8-9*). У костей левой кисти – железный нож (рис. 8, *12*) и фрагмент костяной поясной пластины (рис. 8, *8*). Снаружи, у левого колена зафиксированы бронзовый наконечник стрелы (рис. 8, *10*) и железная втулка с тремя бронзовыми пронизками и остатками кожаного ремня (рис. 8, *14*), снаружи левой голени – 6 бронзовых наконечников стрел, лежавшие остриями к востоку (рис. 8, *2-7*).

Погребение 4. Выявлено в кв. В5 на глубине 0,81 м от современной поверхности. Могильная яма не прослеживалась, погребение совершено на уровне верхней границы предматерикового суглинка (рис. 8, *26*). Выше погребения на 0,1 м фиксировалась темная прослойка толщиной 0,1 м, размером линзы 1,25×1,75 м. Погребение перекрыто слоем плотной серо-коричневой супеси. Ниже ко-

стяка фиксировалась темная линза органического тлена мощностью до 0,1 м и размером 0,85×1,7 м. По южной границе тлена зафиксированы углистые прослойки – следы сгоревшей деревянной плахи, вытянутой по линии запад-восток. Общая длина прослоек 1,3 м, ширина – 0,05 м.

На линзе тлена от органики фиксировались остатки погребенного в возрасте 18-20 лет (juvenis, пол не определен) плохой сохранности. Расчищены раздавленный череп, позвоночник, правое плечо, кости ног и таза. Судя по ним, умерший был уложен на спину головой на запад с небольшим отклонением к северу с вытянутыми конечностями. У головы погребенного найден железный нож (рис. 8, *27*).

Погребение 5-6. Выявлено в кв. А4 на глубине 0,76 м от современной поверхности. В насыпи поверх погребения на различной глубине встречены фрагменты керамики (№№ 23-24). Погребение совершено в нижней части слоя плотной серо-коричневой супеси.

Зафиксированы остатки двух костяков, оба неудовлетворительной сохранности (рис. 8, *16*). Юго-восточный костяк (погребение 5) представлен раздавленным черепом, костями левой руки и ног. Кости груди и таза не сохранились. Судя по ним, умерший был уложен на спину с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад. Возраст умершего – 25-35 лет.

Под нижней челюстью находилось ожерелье из 7 стеклянных бус цилиндрической формы с внутренней позолотой и одной бусины из голубой стеклянной пасты бочонковидной формы (рис. 8, *20*; 11). На фаланге левой кисти сохранился бронзовый спиральный перстень (рис. 8, *19*). Снаружи костей левой стопы – глиняные неорнаментированные горшочек (рис. 8, *18*; 9, *7*) и пряслице (рис. 8, *17*; 10, *3*). При снятии костей левой ноги под верхним суставом бедренной кости найдены фрагменты железного ножа (рис. 8, *23*).

Северо-западный костяк (погребение 6) представлен остатками раздавленного черепа и частично длинных костей ног. Судя по ним умерший 16-20 лет, был уложен вытянуто на спину, головой на юго-запад (т.е. параллельно погребению 5).

Под нижней челюстью найдена стеклянная бусина зеленого цвета, округлой формы (при извлечении из грунта рассыпалась). На левой бедренной кости найдена поясная бляха, изготовленная из бронзового зеркала с циркульным орнаментом (рис. 8, *24*; 13, *2*). Под зеркалом – железный крючок (рис. 8, *25*). Снаружи левого и правого бедер – бронзовые спиральные перстни с остатками фаланг пальцев (типа рис. 8, *19*). Ниже костей ног – глиняный неорнаментированный сосудик (рис. 8, *22*; 9, *6*), опрокинутый вверх дном и каменное пряслице, орнаментированное с двух сторон (рис. 8, *21*; 10, *4*).

Таким образом, под насыпью кургана выявлены одно разрушенное и пять непотревоженных погребений. Центр насыпи был сильно нарушен грабительской воронкой. Судя по микрорельефу насыпи, грунт из грабительской ямы выбрасывался во все стороны – на это указывают «бугры» к северу, востоку, югу и западу от ее центра (рис. 5).

Вещи и фрагменты посуды, найденные в насыпи, относятся к центральному полностью разграбленному погребению и сильно нарушенному погребению 1. Пол захороненного индивидуума в последнем случае устанавливается по сохранившемуся бронзовому перстню (рис. 7, *1-2*) – атрибуту только женских комплексов. Аналогичный перстень найден в выкиде к востоку от грабительской ямы (рис. 3, *13*). С большой долей вероятности можно утверждать, что и остальные предметы женского погребального инвентаря относятся к комплексу этого погребения: тальковое пряслице (рис. 6, *15*; 10, *1*), бронзовое зеркало (рис. 6, *16*; 13, *1*) и бронзовые обоймы (рис. 8, *6-7*).

Фрагменты железных удил (рис. 8, *12-14*), бронзовые наконечники стрел (рис. 8, *2-5*), фрагмент втулки железного орудия/оружия (рис. 8, *19*), железный рыболовный (?) крючок (рис. 8, *8*), костяная ложечка (рис. 6 *11*) – это предметы, относящиеся исключительно к инвентарю мужских погребений. Таким образом, центральным погребением кургана было захоронение взрослого мужчины. Ориентировка этого погребения не устанавливается. Можно лишь отметить, что оно было совершено на древнем горизонте без могильной ямы.

Глиняная посуда, обломки которой собраны в грабительской яме и в выкидах из неё, представлена не менее чем тремя крупными лепными орнаментированными горшками (рис. 6, *18, 22-28*; 7, *5*), небольшим лепным сосудиком (рис. 7, *6*), а также гончарными курильницей (рис. 7, *4*; 9, *4*) и горшком [Савельев, 2010б. Рис. 2, *5*]. Этот керамический инвентарь также можно отнести к центральному мужскому погребению и нарушенному женскому.

В этом же году был раскопан курган 24 в курганной группе II (рис. 1). При исследовании его насыпи был применен палеопочвоведческий метод. С его помощью удалось изучить структуру курганной насыпи и реконструировать процесс её создания, а также порядок совершения погребений [Овсянников, 2010]. В основе курганной насыпи была выявлена пирамидальная выкладка из дерновых кирпичей, которая стратиграфически прослеживалась в виде чередований узких линз темного и светлого оттенков [Там же]. Аналогичные страты встречены и в кургане 5, что говорит о существовании дерновой конструкции также и в основе его насыпи (рис. 4, слой 7).

В данном случае остатки выкладки из дерна сильно пострадали из-за разрушения грабительской ямой. Следы дерновых кирпичей видны в широтной бровке к западу и востоку от грабительской ямы, а также в меридиональной бровке к северу от ямы (рис. 4). Таким образом, дерновая конструкция была возведена над несохранившимся мужским захоронением в центре, нарушенным женским погребением 1 и непотревоженным мужским погребением 3. Эта конструкция сооружалась на подго-

товленной «подушке» из серо-коричневой супеси (рис. 4, слой 2), на поверхности которой и совершались все захоронения. При этом, как и в кургане 24, слой погребенной почвы под насыпью кургана отсутствовал. Вероятно, этот дерновый слой и был использован для сооружения «пирамиды».

«Подушка» и дерновая выкладка стали основой первоначальной насыпи. На рисунке с микрорельефом раскопа хорошо видно, что основное тело этой насыпи находилось в его юго-западном секторе (рис. 5). Одновременно или спустя какое-то время был оставлен горшок у южной полы и вероятно, совершены какие-то обрядово-поминальные действия (сосуд № 1). Этот сосуд не имеет следов длительного использования и, видимо, был специально изготовлен для данной церемонии. С последней также связаны и остатки сгоревших деревянных плах у юго-восточного края первоначальной насыпи.

Периферийные погребения 2, 4, 5-6 совершены после ее сооружения у восточной, северной и западной сторон соответственно. Вероятно, после совершения периферийных захоронений была возведена дополнительная подсыпка насыпи из светло-коричневой супеси (рис. 4, слой 1), а возле погребения 2 был оставлен горшок (сосуд № 22).

За исключением парного женского погребения 5-6 все остальные захоронения индивидуальны. Очертания могильных ям не прослеживаются – все захоронения совершены на древней поверхности. Ориентация погребений зависит от их расположения относительно центра кургана. Условно – против часовой стрелки или с востока на запад (по движению солнца).

Все погребенные уложены на спину с вытянутыми конечностями. Под костяками всех захоронений зафиксированы линзы органического тлена. Вероятно, это следы подстилки или обертки из органических материалов (циновки, кора деревьев, лубок или др.) Остатки деревянной погребальной конструкции зафиксированы только у погребения 4. Здесь она сохранилась благодаря воздействию огня. К югу от останков погребенного зафиксирована сгоревшая деревянная плаха, размером с его рост. Характер конструкции воссоздать сложно из-за недостатка информации.

Большинство погребенных (кроме захоронений 4 и 5-6) сопровождались заупокойной пищей, помещенной в глиняные горшки, как правило, со следами использования. Мужское захоронение 3 и женское 2 сопровождались также мясными продуктами, от которых сохранилась крупные трубчатые кости животных.

Крупные сосуды, найденные в погребениях и в насыпи различны по составу теста, форме и орнаменту. Крупный сосуд (рис. 7, *5*), реконструированный по собранным в грабительской яме обломкам, по форме, примеси талька в глине и богатой орнаментации относится к типу крупных гафурийских горшков [Овсянников, 2014. С. 173. Рис. 4]. Судя по находкам в других курганах, подобные горшки устанавливались только в погребениях взрослых (как правило, расположенных в центре насыпи) и сопровождавшихся обильным инвентарем [Овсянников, 2014. С. 173].

Лепной сосуд (рис. 8, *15*; 9, *5*) из периферийного мужского погребения близок группе круглодонных неорнаментированных горшков, выделенных на материале Шиповского, Бишунгаровского и Старо-Киишкинского могильников [Овсянников, 2014. С. 172-173. Рис. 3]. Данный тип посуды характерен для шиповской группы памятников (могильник и городище) кара-абызской культуры.

Два крупных лепных широкогорлых горшка, найденных возле женского погребения 2 объединяет примесь органики в тесте, слабый обжиг, форма и орнаментация. Эти сосуды близки ко второй группе керамики, выделенной на материалах II группы курганов Шиповского могильника [Овсянников и др., 2007. С. 75-77]. Эта группа керамики по своим характеристикам занимает промежуточное положение между гафурийской (с примесью талька и богато орнаментированной) и кара-абызской (неорнаментированной с примесью раковины и органики).

В четырех погребениях и в грабительской яме встречены небольшие лепные сосудики. Два из них имеют ушки для подвешивания (рис. 7, *10*; 8, *13*). Эти сосуды имеют орнамент, качественный обжиг, аккуратную обработку поверхности и носят следы длительного использования. Они помещены в районе головы погребенных (женское захоронение 2 и мужское 3).

Лепной горшочек, собранный из обломков в грабительской яме, также имеет орнамент, тщательную обработку поверхности и следы использования (рис. 7, *6*). Вероятно, он занимал то же место в погребальной обрядности, что и вышеописанные сосудики.

Три лепных горшочка простой формы, без орнамента, имеют слабый обжиг, небрежную обработку поверхности и не несут следов длительного использования (рис. 7, *9*; 8, *18, 22*). Вероятно, они изготовлены специально для погребальной церемонии. Все горшочки данной группы происходят из погребений с женским набором инвентаря и помещены в ногах погребенных в комплексе с пряслицами. Описанные обстоятельства показывают различное функциональное назначение этих групп миниатюрной посуды.

Найденные в грабительской яме фрагменты гончарной курильницы (рис. 7, *4*; 9, *4*) соответствуют аналогичным находкам из второй группы курганов Шипово, а также курганов возле Бишунгарово и Старых Киишек [Овсянников и др., 2007. Рис. 7, *7*; Савельев, 2010б. С. 295. Рис. 2, *1-2*; Овсянников, 2014. Рис. 5, *1-4*]. По мнению Н.С. Савельева, этот тип посуды близок хорезмийской керамике раннекангюйского периода (нач. IV – кон. III вв. до н.э.) [Савельев, 2010б. С. 303]. Появление этих импортных изделий отражает, с одной стороны, контакты шиповской группы кара-абызского населения с бишунгаровско-старокиишкинской группой кочевников прохоровской культуры, с другой

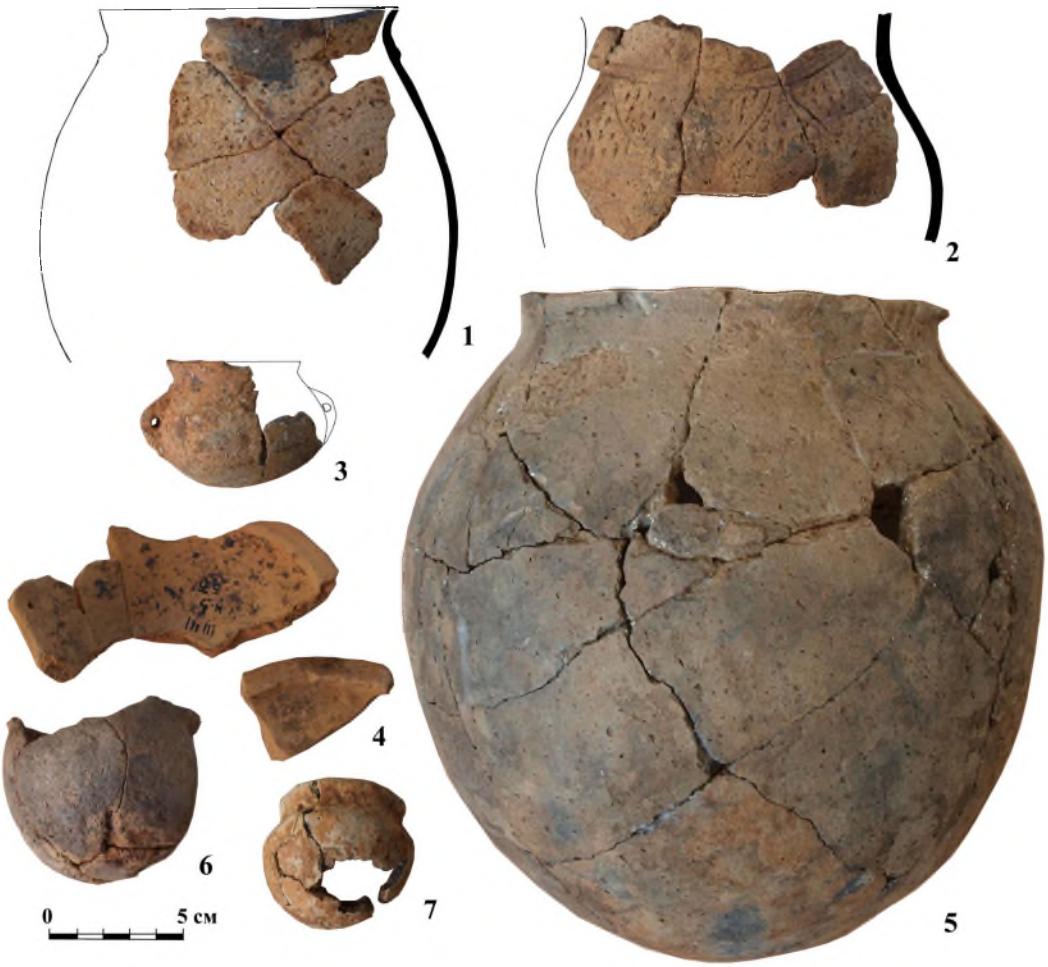

Рис. 9. Керамика из кургана 5 группы III Шиповского КГМ:
1, 3 – погребение 2; *2* – насыпь, кв. Г3; *4* – насыпь, кв. Б3; *5* – погребение 3; *6* – погребение 6; *7* – погребение 5

Fig. 9. Ceramics from barrow 5 of group III of the Shipovo MSBG:
1, 3 – grave 2; *2* – mound, sq. Г3; *4* – mound, sq. Б3; *5* – grave 3; *6* – grave 6; *7* – grave 5

стороны – прохоровцев с Хорезмом. Данная ситуация, как считает Н.С. Савельев, могла сложиться только в III веке до н.э. Своё мнение автор обосновывает датировкой рядом исследователей прохоровской Бишунгаровско-Старо-Киишкинской группы курганов в пределах III в. до н.э. [Савельев, 2010б. С. 313]. Однако, большинство авторов материалы данных могильников привлекали лишь в рамках решения конкретных задач. Лишь двое из них (В.Н. Васильев и В.К. Федоров) непосредственно анализировали датировку данных памятников [Васильев, Садыкова, 2001; Федоров, 2011]. Оба автора соглашались с датировкой упомянутых памятников в пределах III-II вв. до н.э. Таким образом, период использования шиповским населением импортной гончарной керамики можно распространить и на II в. до н.э. Хотя, как правильно выразился Н.С. Савельев, все эти датировки являются лишь оценочными [Савельев, 2010б. С. 313]. Разработка хронологии древностей Бишунгарово, Старых Киишек и Шипово требует специального исследования.

Погребение 3, наряду с характерными для мужских погребений Шиповского КГМ вещами (наконечники стрел, нож, оселок), демонстрирует также неординарные вещи для данного некрополя. Таковой является костяная поясная пластина, служившая, вероятно, застежкой ремня (рис. 8, *9, 11*). Подобных предметов в Шипово неизвестно. Похожие костяные поясные пластины известны в саргатском комплексе Красноярского могильника III-II вв. до н.э. [Могильников, 1992. Табл. 124, *32*], в раннесарматском могильнике Кеныш-3 (Северный Казахстан, верховья р. Тобол) IV-III вв. до н.э. [Федоров, 2001. Рис. 8, *7-8*] и в погребении могильни-

Рис. 9а. Глиняный сосуд (in situ) из насыпи кургана 5 группы III Шиповского КГМ

Fig. 9a. Vessel pot (in situ) from the mound of the barrow 5 of group III of the Shipovo MSBG

Рис. 10. Пряслица из кургана 5 группы III Шиповского MSBG: *1* – насыпь, кв. B3; *2* – погребение 2; *3* – погребение 5; *4* – погребение 6

Fig. 10. Spindle-ware from the mound 5 of group III of Shipovo KGM: *1* – mound, sq. B3; *2* – grave 2; *3* – grave 5; *4* – grave 6

ка Быстровка-1 (Новосибирское Приобье) III-II вв. до н.э. [Троицкая, Бородовский, 1994. Табл. XXXVI, *19-20*].

Второй предмет – это железная втулка и три бронзовые пронизки соединенные остатками кожаного ремня (рис. 8, *14*). На мой взгляд, это остатки нагайки или скорее небольшого кистеня. Подобный вид оружия до сих пор был не известен в материалах как кара-абызских некрополей, так и соседних культур.

Бронзовые наконечники стрел из погребения 3 однотипны, также как и наконечники из центрального погребения, собранные из насыпи. Все они относятся к типу треугольных с внутренней (скрытой) втулкой. Этот тип бронзовых наконечников является наиболее поздним из данной категории проникателей. Именно такие наконечники происходят из смешанных колчанных наборов с железными и бронзовыми наконечниками [Мошкова, 1962. С. 81-82]. В раннесарматских комплексах Урало-Поволжья к началу II в. до н.э. бронзовые наконечники выходят из употребления [Скрипкин, 1990. С. 134-135, 139]. Исходя из этого можно предположить, что мужские погребения кургана 5 могли быть совершены в пределах второй половины III – начала II вв. до н.э.

В женских погребениях кургана встречен типичный для кара-абызской культуры инвентарь: два глиняных пряслица и два орнаментированных пряслица из талька; железные ножи (2 экз.); бронзовые спиральные перстни (3 экз.); стеклянные бусы (9 экз.) и бронзовые поясные бляхи, сделанные из зеркал (2 экз).

Последние два вида предметов могут выступать хронологическими маркерами. Бляха-зеркало из разграбленного центрального погребения по А.С. Скрипкину относится к типу 3.0 [Скрипкин, 1990. С. 94]. Этот тип зеркал существовал весь период раннесарматской культуры в пределах IV-II вв. до н.э. [Там же. С. 150]. Бляха из погребения 6 относится к типу 4.7 по типологии А.С. Скрипкина [Там же. С. 95]. Это наиболее представительный тип зеркал в раннесарматских памятниках. Основное время их бытования – III-I вв. до н.э., но наибольшее распространение они получили в конце II – I вв. до н.э. [Там же. С. 151].

Бусы с внутренней позолотой, встреченные в погребении 5 относятся к типу 4-21 по типологии Е.М. Алексеевой и А.С. Скрипкина [Там же. С. 84]. Голубая бусина бочонковидной формы близка типу 03-3 по А.С. Скрипкину [Там же. С. 78]. Данные типы не имеют четких хронологических характеристик. Они появляются в сарматских памятниках III в. до н.э. и продолжают бытовать в первые века нашей эры [Там же. С. 112-113]. Таким образом, инвентарь женских погребений не противоречит дате (вторая половина III – начало II вв. до н.э.), установленной по мужским комплексам.

Попытаемся также определить хронологическую позицию рассматриваемого комплекса относительно других исследованных на Шиповском КГМ насыпей. В колчанных наборах курганной группы I встречены бронзовые наконечники со сводчатой и треугольной головками, со скрытой и выступающей втулкой (рис. 12, *1-41*). Последние составляют большинство в колчанных наборах. Дата курганной группы I определяется в пределах IV-III вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1976. С. 74] или серединой IV – серединой III вв. до н.э. [Овсянников и др., 2007. С. 81; Савельев, 2008. С. 133-134]. В исследованных комплексах II группы курганов большинство уже составляют наконечники стрел с внутренней втулкой, наконечников с выступающей значительно меньше (рис. 9, *42-55*). Дата группы II определена в пределах III-I вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1976. С. 74; Овсянников и др., 2007. С. 81].

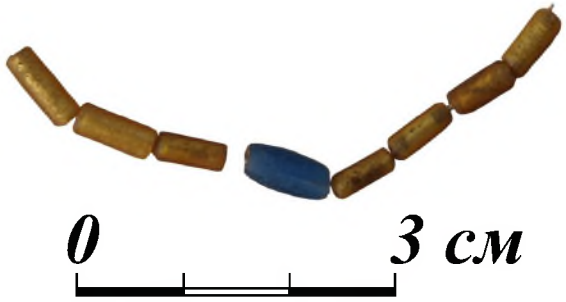

Рис. 11. Стеклянные бусы из погребения 5 кургана 5 группы III Шиповского КГМ

Fig. 11. Glass beads from grave 5 of barrow 5 of group III of Shipovo MSBG

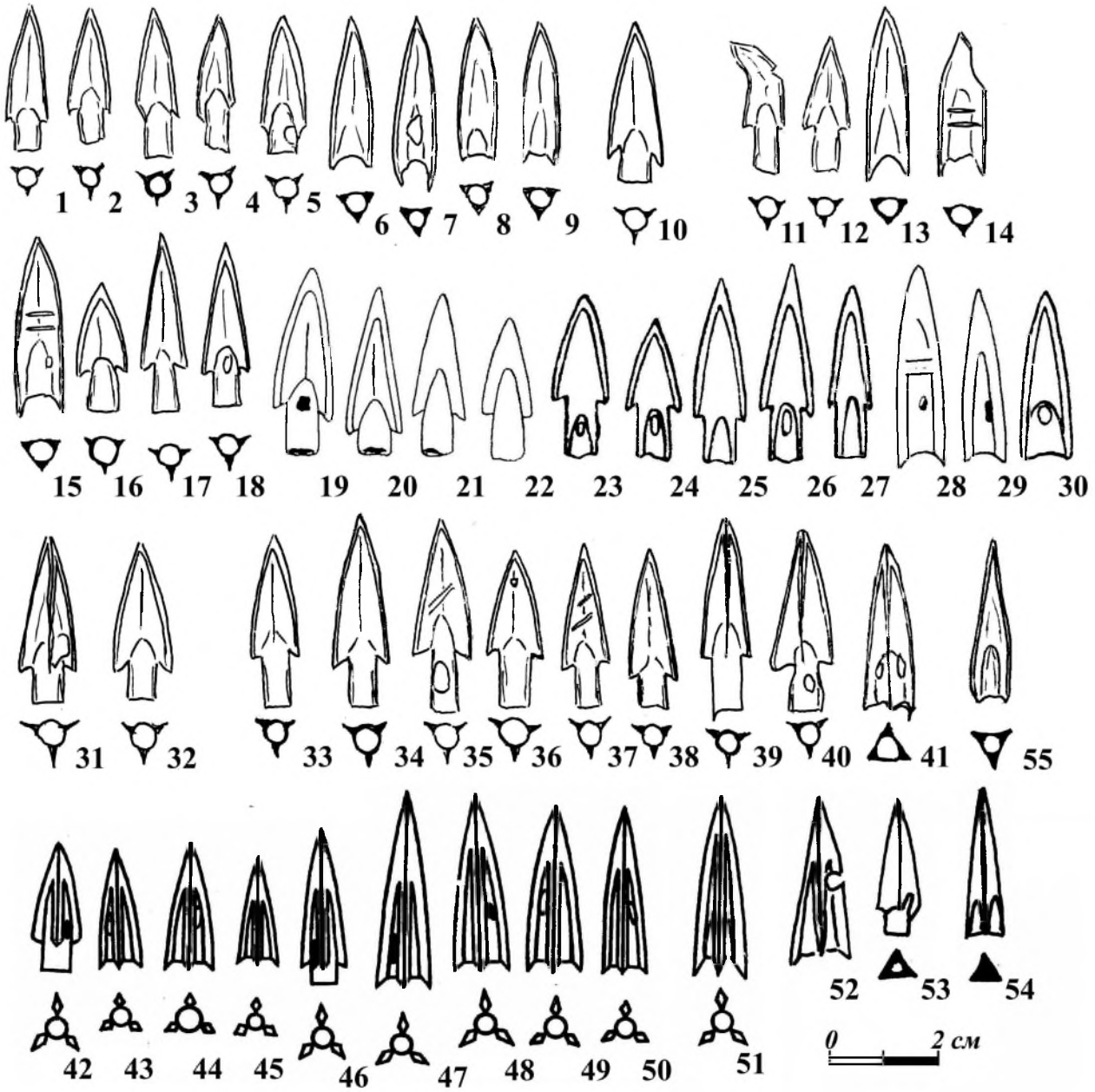

Рис. 12. Бронзовые наконечники стрел Шиповского КГМ:
1-9 – насыпь к. 9, гр. I; *10* – п. 5, к. 9, гр. I; *11-14* – п. 6, к. 9, гр. I; *15-18* – п. 5, к. 10, гр. I; *19-30* – п. 4, к. 5, гр. I; *31-32* – к. 3, гр. I; *33-41* – п. 4, к. 1, гр. I; *42-50* – п. 14, к. 8, гр. II; *51* – п. 5, к. 1, гр. II; *52-53* – п. 1, к. 2, гр. II; *54* – п. 6, к. 5, гр. II; *55* – к. 15, гр. II (1-18, 31-41, 55 – рисунки автора; 19-30 – по: [Пшеничнюк, 1976. Рис. 5, *1-12*];
42-54 – по: [Овсянников и др., 2007. Рис. 2, *5*; 5, *1-2*; 9, *3*; 14, *2-10*])

Fig. 12. Bronze arrowheads of Shipovo MSBG:
1-9 – mound b. 9, gr. I; *10* – g. 5, b. 9, gr. I; *11-14* – g. 6, b. 9, gr. I; *15-18* – g. 5, b. 10, gr. I; *19-30* – g. 4, b. 5, gr. I; *31-32* – b. 3, gr. I; *33-41* – g. 4, b. 1, gr. I; *42-50* – g. 14, b. 8, gr. II; *51* – g. 5, b. 1, gr. II; *52-53* – g. 1, b. 2, gr. II; *54* – g. 6, b. 5, gr. II; *55* – b. 15, gr. II (*1-18, 31-41, 55* – author's drawings; *19-30* – after: [Pshenichnyuk, 1976. Fig. 5, *1-12*];
42-54 – after: [Ovsyannikov et al, 2007. Fig. 2, *5*; 5, *1-2*; 9, *3*; 14, *2-10*])

В целом, эволюция колчанных наборов Шиповского КГМ соответствует установленной тенденции в изменении форм бронзовых наконечников стрел в раннесарматских памятниках Урало-Поволжья. Здесь на протяжении IV-III вв. до н.э. шла смена сводчатых наконечников на треугольные [Мошкова, 1963. С. 31]. В наиболее поздних колчанных наборах вместе с железными наконечниками стрел, как правило, встречаются бронзовые наконечники с треугольной головкой и внутренней втулкой [Мошкова, 1962. С. 81-82]. Таким образом, колчанные наборы кургана 5 выглядят наиболее поздними по сравнению с остальными наборами бронзовых наконечников курганных групп I и II Шиповского КГМ.

Второй группой хронологических маркеров для погребений Шиповского КГМ являются поясные бляхи и застежки. В женских комплексах курганной группы I крупными украшениями пояса служили бляхи в виде фигуры оленя [Пшеничнюк, 1976. Рис. 7, *6, 8-9*]. Изготовленные из зеркал бляхи здесь неизвестны. Лишь в одном из погребений этой группы найдена подвеска, вырубленная из зеркала типа 5.3 (по: [Скрипкин, 1990. С. 95. Рис. 35, *33*]) [Пшеничнюк, 1976. Рис. 6, *21*]. Этот тип зеркал встречается у ранних сармат только в комплексах IV в.

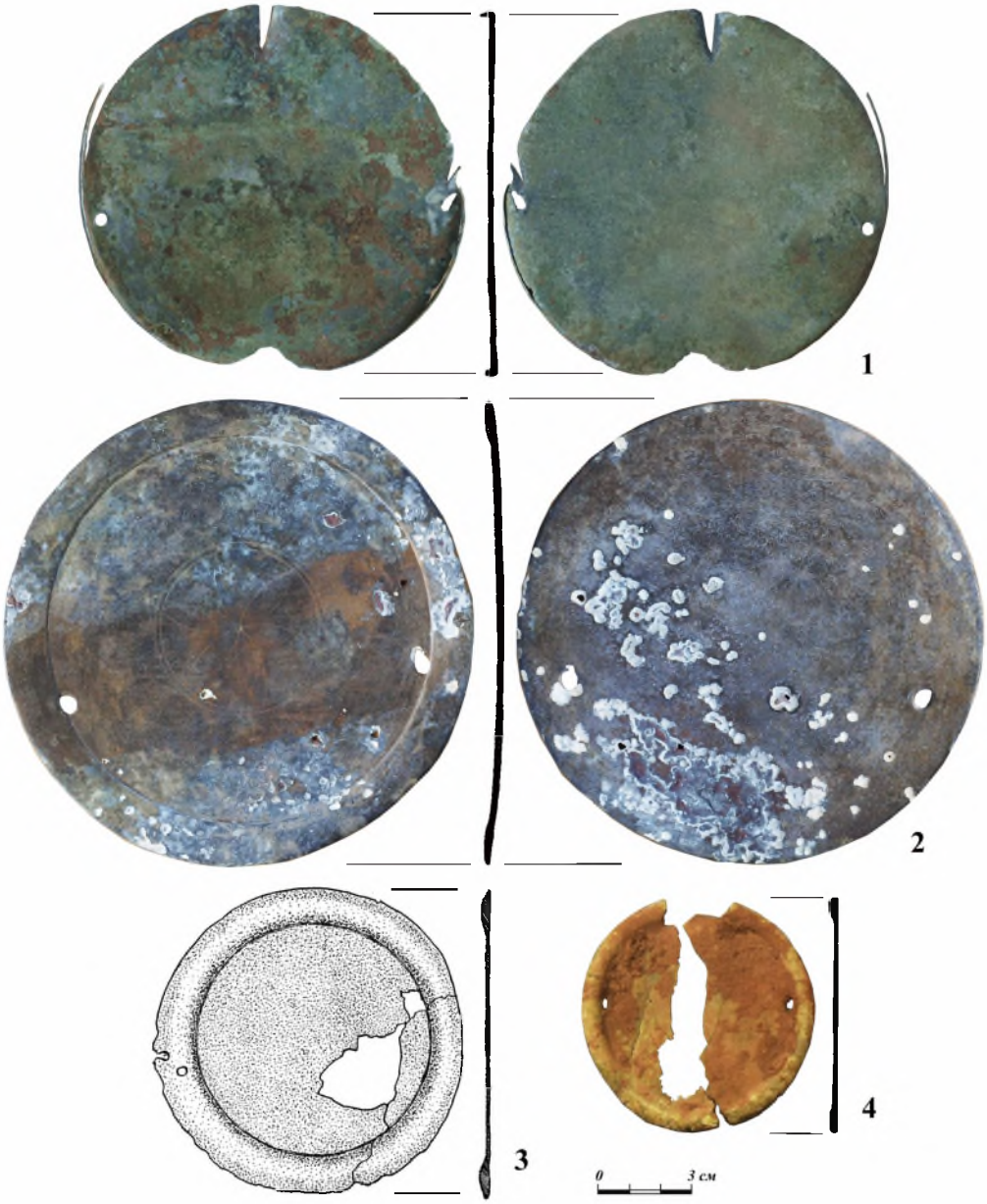

Рис. 13. Поясные бляхи-зеркала курганной части Шиповского КГМ.
1 – кург. 5, гр. III, насыпь; *2* – кург. 5, гр. III, погребение 6; *3* – кург. 8, гр. II, погребение 15; *4* – кург. 14, гр. II

Fig. 13. Belt plate-mirrors of the Kurgan part of Shipovo MSBG.
1 – bar. 5, gr. III, mound; *2* – bar. 5, gr. III, grave 6; *3* – bar. 8, gr. II, grave 15; *4* – bar. 14, gr. II

до н.э. [Скрипкин, 1990. С. 150]. В мужских комплексах поясных украшений не найдено.

В курганах группы II встречены принципиально иные формы поясных блях. Это массивные литые бляхи-застежки с зооморфной многофигурной сценой терзания на лицевой стороне и неподвижным крючком на обороте [Овсянников и др., 2007. Рис. 2, *2-3*], а также производные от них застежки со схематизированным до неузнаваемости орнаментом лицевой части [Пшеничнюк, 1976. Рис. 17, *7*; Овсянников и др., 2007. Рис. 10, *6*; 14, *1*]. В качестве поясных украшений в курганах группы II начинают встречаться массивные бляхи, изготовленные из бронзовых зеркал, распространенных в раннесарматской среде. Для использования на поясе у зеркала обрубалась ручка, если таковая имелась, и пробивалось два отверстия по краям для крепежа на ремень. В качестве застежки использовался железный крючок, например, такой как встреченный в погребении 6 кургана 5 под поясной бляхой (рис. 8, *25*).

В целом, эти принадлежности пояса традиционно датируются в рамках III-II вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1975. Рис. 6]. Однако их хронологическое положение относительно друг друга пока не стало предметом отдельной работы. Можно лишь высказать предположение о более ранней позиции зооморфных и стилизованных блях по отношению к бляхам, изготовленным из зеркал. Косвенным подтверждением этого вывода может служить то, что в последующей стадии кара-абызской культуры традиция украшения пояса бляхами, переделанными из зеркал, продолжается [Там же].

С уверенностью можно утверждать, что использование бронзовых зеркал как поясного украшения зародилась именно в период III-II вв. до н.э.

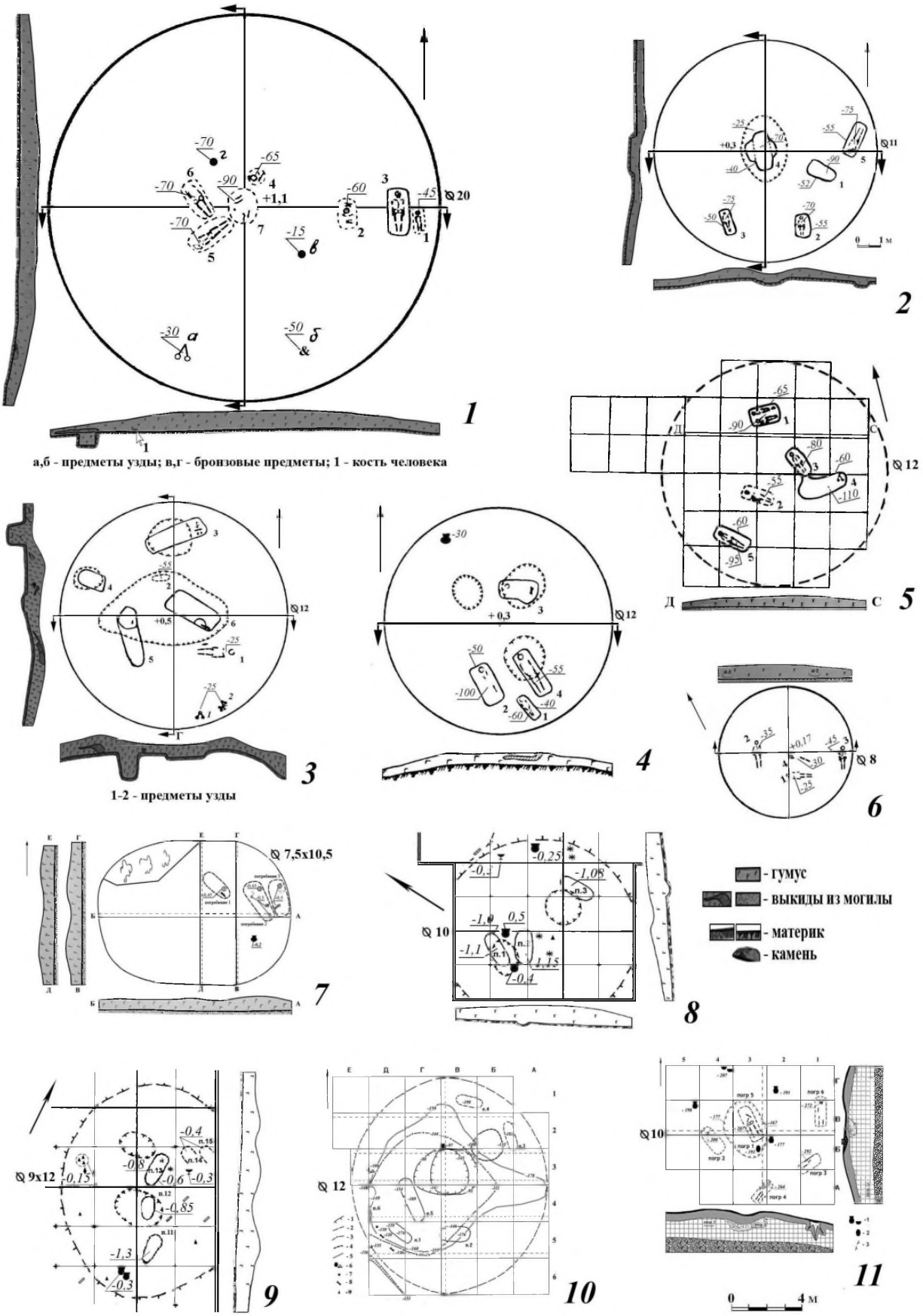

Рис. 14. Планы насыпей многомогильных курганов Шиповского КГМ:
1 – к. 9, гр. I; *2* – к. 10, гр. I; *3* – к. 7, гр. I; *4* – к. 5, гр. I; *5* – к. 2, гр. I; *6* – к. 1, гр. I; *7* – к. 17, гр. II; *8* – к. 2, гр. II; *9* – к. 8, гр. II; *10* – к. 24, гр. II; *11* – к. 2, гр. III

Fig. 14. Plans for the mounds of the multi-grave barrows of the Shipovo mound-soil burial ground:
1 – b. 9, gr. I; *2* – b. 10, gr. I; *3* – b. 7, gr. I; *4* – b. 5, gr. I; *5* – b. 2, gr. I; *6* – b. 1, gr. I; *7* – b. 17, gr. II; *8* – b. 2, gr. II; *9* – b. 8, gr. II; *10* – b. 24, gr. II; *11* – b. 2, gr. III

Во второй группе курганов массивные бронзовые застежки встречены в двух мужских комплексах [Овсянников и др., 2007. Рис. 2, *3-5*; 14, *1-12*], тогда как другие некрополи кара-абызской культуры демонстрировали эти предметы как атрибуты женского убранства [Пшеничнюк, 1964. Рис. 6; 1968. Рис. 9; 1993. Рис. 7]. Показательно также, что первоначально в курганы Шиповского КГМ зеркала могли попадать не как детали пояса, а именно как предметы туалета. Об этом говорит находка зеркала, у которого отверстия пробиты только с одной стороны (рис. 13, *3*), что характерно для типа 4.1 раннесарматских зеркал [Скрипкин, 1990. Рис. 35, *4-5*]. В данном случае отверстия служили для крепления ручки к зеркалу.

В связи с этим интересна совместная находка в кургане 14 группы II стилизованной поясной застежки и зеркала, превращенного в бляху (рис. 13, *4*) [Пшеничнюк, 1976. Рис. 17, *5, 7*]. Этот комплекс демонстрирует зарождение обычая украшать пояс зеркалом, тогда как материалы кургана 5 группы III свидетельствуют об этом как об устоявшейся традиции. В данном случае это также свидетельствует о более позднем характере комплекса кургана 5 группы III по отношению к материалам исследованной части II курганной группы Шиповского КГМ.

Основные элементы погребального обряда, зафиксированные в кургане 5 третьей группы (положение погребенных, захоронения на древнем горизонте, преобладание индивидуальных погребений) присутствуют в курганах Шиповского некрополя. Как в первой группе (к. 1), так и во второй (к. 17) есть захоронения без могильных ям, совершенные на древнем горизонте. Хотя в основном на могильнике представлены индивидуальные захоронения, но единично встречаются и парные, как погребение 5-6 рассматриваемого кургана.

Ориентировку погребенных в многомогильных курганах, на мой взгляд, нельзя рассматривать в отрыве от планиграфии насыпей. Планировка же насыпи рассматриваемого кургана имеет некоторое отличие от исследованных насыпей I и II групп курганов Шиповского КГМ. Многомогильные (три и более погребений под насыпью) курганы не являются редкостью для данного некрополя. Из девяти исследованных курганов группы I шесть имеют от 4 до 7 погребений под насыпью. Среди 15 исследованных насыпей группы II в трех выявлено от 3 до 5 могил.

Если использовать терминологию, выработанную для многомогильных курганов эпохи раннего железа Верхнего Приобья [Уманский и др., 2005. С. 6-8], то в насыпях I и II групп Шиповского КГМ присутствует линейная планировка (рис. 14, *5, 7*), неполная крестовая (рис. 14, *6, 9*), с двумя центрами планировки (рис. 14, *1, 4, 8-9*). Также в двух насыпях I группы (рис. 14, *2-3*) встречен иной тип размещения могил под насыпью: одна центральная могила и несколько периферийных, расположенных без видимой системы.

В кургане 5 третьей группы фиксируется неполная круговая планировка погребений в насыпи. Аналогичная планировка встречена в курган 2 этой же группы (рис. 14, *11*). В обеих насыпях периферийные и впускные погребения расположены по часовой стрелке относительно центра кургана. При этом в кургане 5 круговые погребения располагаются к северу-северо-востоку от центра, а в кургане 2 – к юго-востоку. Также в кургане 2 сохранились два центральных погребения, оба с ориентировкой на северо-запад.

В кургане 24 группы II наблюдается также неполная круговая планировка, но более сложного типа. Здесь прослеживается два витка периферийных и впускных погребений, ориентированных относительно центра. Один из них расположен по часовой, а другой – против часовой стрелки. Центральное погребение полностью уничтожено грабителями (рис. 14, *10*).

Круговой тип планировки могил в курганных насыпях в лесостепных памятниках Зауралья и Западной Сибири начинает распространяться с рубежа IV-III вв. до н.э., особенно характерна она для саргатских курганов развитого этапа (II в до н.э. – II в. н.э.) [Могильников, 1992. Табл. 125, *3*; Культура …, 1997. С. 145-146; Таиров, 2000. Рис. 28] и курганных могильников Верхнего Приобья начиная с IV в. до н.э. [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 77-78]. В степной зоне Приуралья круговая планировка погребений характерна для прохоровских курганов III-II в. до н.э. [Овсянников, 2014. С. 170-171. Рис. 2, *IV-V*]. Этот тип планировки развивается из более простых (парные погребения, ряд параллельных могил, неполный крест и т.д.), которые становятся элементами более сложной неполной, а потом и полной круговой планировки [Уманский и др., 2005. С. 8]. В Шипово пока не зафиксировано развитие неполной круговой планировки в полную круговую.

Таким образом, ориентировка периферийных и впускных погребений зависит от типа планировки насыпи и ориентировки центрального (центральных) погребения (погребений). В этом случае определяющей является ориентировка центрального погребения. В нашем случае центральное погребение полностью разрушено и ориентировка не восстанавливается. В группах I и II часто центральные погребения также разрушены грабителями. Среди центральных погребений, где есть возможность установить ориентировку, наблюдается большая вариабельность. Какого-то главенствующего направления выделить нельзя (рис. 14).

У всех типов планировки многомогильных насыпей Шиповского КГМ есть одна общая черта – часть полы насыпи всегда свободна от погребений. В первой группе курганов в этой части полы в трех курганах встречены следы погребально-поминальных ритуалов. В двух насыпях – это детали конской узды, в одной – глиняный горшок. Во второй группе во всех трех многомогильных насыпях в свободном от погребений пространстве находилось по одному глиняному горшку.

В свободной от погребений части насыпи публикуемого кургана 5 третьей группы у края насыпи установлен глиняный сосуд. В ходе раскопок удалось проследить, что первоначально было сделано небольшое углубление, в которое сосуд и был помещен. Впоследствии расплывшаяся насыпь закрыла остатки горшка.

Сосуды фиксируются также и в насыпях одно- и двухмогильных курганах второй группы [Пшеничнюк, 1976. Рис. 12; Овсянников и др., 2007. Рис. 8; 11]. Этот обычай появляется еще в период существования первой группы курганов (рис. 14, *4*) и получает широкое применение при сооружении курганов II группы [Овсянников, 2014. С. 172]. Сосуды также начинают устанавливаться за пределами могильной ямы, но поблизости от погребения [Овсянников и др., 2007. Рис. 8; 11-12]. При этом непосредственно в погребениях также имелась глиняная посуда. Аналогичная ситуация наблюдается и в кургане 5 третьей группы – к востоку от погребения 2 находился развал глиняного сосуда, при этом непосредственно у костяка также находился горшок.

Подобная погребальная практика фиксируется в курганах саргатской культуры. Здесь также один-два сосуда устанавливаются у края насыпи, нередко в окружающем ее ровике, и возле погребений недалеко от края могильной ямы [Корякова, 1979. Рис. Б; Культура…, 1997. Рис. 8; 11; 15; 26; Матвеева, 2001. Рис. 2; 9]. К сожалению, мною не встречена в литературе статистика территориального и хронологического распределения подобного обряда в саргатских некрополях. В лесостепных прохоровских памятниках единичные проявления подобного ритуала могли появиться под влиянием шиповского населения [Овсянников, 2014. С. 172].

Редкой находкой в насыпях курганов является основание терочника. В нашем случае он представлен обломками из грабительской ямы. Аналогичные случаи встречены в двух курганах Старо-Киишкинского могильника [Садыкова, 1962. Рис. 3, *2*; Овсянников, 2014. С. 172. Рис. 2, *V*]. В Шиповском КГМ подобная находка зафиксирована в кургане 2 группы III [Овсянников, 2014. Рис. 2, *II*]. Во всех случаях основание терочника расположено в центре кургана.

Таким образом, эволюция погребального обряда курганной части Шиповского некрополя развивалась в общем направлении с лесостепными курганными культурами Зауралья и Западной Сибири и степными Южного Приуралья. Согласно вектору развития планировки курганных насыпей, курганы группы III находятся на более поздней стадии относительно остальной исследованной части могильника.

Анализ абсолютной и относительной хронологии погребений кургана 5 также показывает более позднюю его позицию относительно остальных курганных комплексов Шиповского КГМ. В целом можно отметить, что третья группа курганов начала формироваться позже остальных групп, вероятно, не раньше середины или в конце III в. до н.э. Это обстоятельство показывает одно из направлений роста курганной части некрополя с юга на север, вдоль края глубокого оврага, далеко вдающегося в коренной берег р. Белой (рис. 1). Вопрос о верхней дате III группы курганов будет рассматриваться в отдельной работе, посвященной публикации комплексов раскопа I этой группы.

Схожие тенденции в эволюции погребального обряда Шиповского КГМ с памятниками лесостепей Западной Сибири и степей Южного Приуралья говорит о том, что их носителей объединяли общие представления об устройстве потустороннего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарустович Г.Н. Захоронения эпохи средневековья Шиповского грунтового некрополя (поздний могильник) // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). Вып. VIII / Отв. ред. Е.В. Круглов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 37-44.

Корякова Л.Н. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка // СА. 1979. № 2. С. 191-206.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / Отв. ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург: «Екатеринбург», 1997. 180 с.

Матвеева Н.П. Старо-Лыбаевский-4 курганный могильник (по раскопкам 1999 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 98-113.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. тома М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 292-311.

Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89. 1962. С. 77-82.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д 1-10. М.: АН СССР, 1963. 32 с.

Овсянников В.В. Итоги исследования Шиповского курганно-грунтового могильника в 2006-2008 гг. // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., проводимой в рамках разработки 7-томного издания «История башкирского народа». Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 86-89.

Овсянников В.В. Структура курганных насыпей Шиповского могильника // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 229-231.

Овсянников В.В. Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Киишкинских

и Бишунгаровских курганов) // УАВ. Вып. 14. 2014. С. 168-177.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. 2 / Под ред. Р.Г. Кузеева и К.В. Сальникова. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. С. 215-231.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. 3 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1968. С. 59-104.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура // АЭБ. Т. 5 / Под ред. Р.Г. Кузеева. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162-243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1976. С. 35-131.

Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1982. С. 94-105.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 32-61.

Садыкова М.Х., Васильев В.Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. 2001. Вып. 3. С. 55-80.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших открытий». Оренбург, 21-25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 116-136.

Савельев Н.С. Происхождение керамических импортов кара-абызской культуры лесостепи Южного Приуралья (IV-III века до н.э.) // Вестник Челябинского государственного университета. № 15 (196). История. Вып. 40. 2010а. С. 5-13.

Савельев Н.С. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий (МИАР. № 13) / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: ТАУС, 2010б. С. 299-322.

Садыкова М.Х. Сарматские памятники Башкирии // Памятники скифо-сарматской культуры / МИА. № 152. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 242-273.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. 299 с.

Таиров А.Д. Саргатская культура Среднего Притоболья // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 94-118.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Федоров В.К. Клинковое оружие и колчанные наборы IV-III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 180-197.

Федоров В.К. Курган 12 могильника Старые Киишки // УАВ. Вып. 11. 2011. С. 28-38.

REFERENCES

Garustovich G.N. Zakhoroneniya epokhi srednevekov'ya Shipovskogo gruntovogo nekropolya (pozdniy mogil'nik) [Burials of the Middle Ages Shipovo soil necropolis (late burial ground)] // Ot drevnosti k novomu vremeni (Problemy istorii i arkheologii). Vyp. VIII / Otv.red. E.V. Kruglov. Ufa: RITs BashGU, 2008. S. 37-44.

Koryakova L.N. Mogil'nik sargatskoy kul'tury u s. Krasnoyarka [The burial ground of the Sargat culture near the village Krasnoyarka] // SA. 1979. № 2. S. 191-206.

Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gayevskiy mogil'nik sargatskoy obshchnosti: antropologicheskoye issledovaniye [The culture of the Trans-Ural pastoralists at the turn of the era. The Gaevo burial ground of the Sargat community: an anthropological study] / Otv. red. L.N. Koryakova. Yekaterinburg: «Yekaterinburg», 1997. 180 s.

Matveyeva N.P. Staro-Lybayevskiy-4 kurgannyy mogil'nik (po raskopkam 1999 g.) [Staro-Lybaevo-4 burial mound (from 1999 excavations)] // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2001. Vyp. 3. S. 98-113.

Mogil'nikov V.A. Sargatskaya kul'tura [The Sargat culture] // Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Arkheologiya SSSR / Otv. red. toma M.G. Moshkova. M.: Nauka, 1992. S. 292-311.

Moshkova M G. O rannesarmatskikh vtul'chatykh strelakh [About Early Sarmatian sleeve arrows] // KSIA. Vyp. 89. 1962. S. 77-82.

Ovsyannikov V.V. Itogi issledovaniya Shipovskogo kurganno-gruntovogo mogil'nika v 2006-2008 gg. [The results of the study of the Shipovo mound-soil burial ground in 2006-2008.] // Fenomen yevraziystva v material'noy i dukhovnoy kul'ture, etnologii i antropologii bashkirskogo naroda. Materialy Vserossiyskoy

nauchno-prakticheskoy konferentsii, provodimoy v ramkakh razrabotki 7-tomnogo izdaniya «Istoriya bashkirskogo naroda». Ufa:IIYL UNC RAN, 2009. S. 86-89.

Ovsyannikov V.V. Struktura kurgannykh nasypey Shipovskogo mogil'nika [The structure of the barrows of the Shipovo burial ground] // XVIII Ural'skoye arkheologicheskoye soveshchaniye: kul'turnyye oblasti, arkheologicheskiye kul'tury, khronologiya: Materialy XVIII Ural'skogo arkheologicheskogo soveshchaniya. Ufa: Izdatel'stvo BGPU, 2010. S. 229-231.

Ovsyannikov V.V. Obshchiye elementy v pogrebal'nom obryade i inventare naseleniya kara-abyzskoy kul'tury i sarmat lesostepi Yuzhnogo Predural'ya (po materialam Shipovskikh, Staro-Kiishkinskikh i Bishungarovskikh kurganov) [Common elements in the burial rite and inventory of the population of the Kara-Abyz culture and Sarmatian forest-steppe of the Southern Pre-Urals (based on the materials of Shipovo, Stary-Kiishki and Bishungarovo mounds)] // UAV. Vyp. 14. 2014. S. 168-177.

Ovsyannikov V.V., Savelev N.S., Akbulatov I.M., Vasil'yev V.N. Shipovskiy mogil'nik v lesostepnom Priural'ye [Shipovo burial ground in the forest-steppe Pre-Urals]. Ufa: Gilem, 2007. 166 s.

Pshenichnyuk A.H. Biktimirovskiy mogil'nik [Biktimirovo burial ground] // AEB. T. 2 / Pod red. R.G. Kuzeyeva i K.V. Sal'nikova. Ufa: IIYaL BFAN SSSR, 1964. S. 215-231.

Pshenichnyuk A.H. Okhlebininskiy mogil'nik [Okhlebinino burial ground] // AEB. T. 3 / Otv. red. R.G. Kuzeyev. Ufa: IIYaL BFAN SSSR, 1968. S. 59-104.

Pshenichnyuk A.H. Kara-abyzskaya kul'tura [The Kara-Abyz culture] // AEB. T. 5 / Pod red. R.G. Kuzeyeva. Ufa: IIYaL BFAN SSSR, 1973. S. 162-243.

Pshenichnyuk A.H. Starshiy Shipovskiy mogil'nik anan'inskoy kul'tury v Tsentral'noy Bashkirii [The elder Shipovo burial ground of the Ananyino culture in Central Bashkiria] // Priural'ye v epokhu bronzy i rannego zheleza / Red. V.A. Ivanov, A.H. Pshenichnyuk. Ufa: IIYaL BFAN SSSR, 1982. S. 94-105.

Pshenichnyuk A.H. Khronologiya i periodizatsiya pogrebal'nykh kompleksov Okhlebininskogo mogil'nika [Chronology and periodization of burial complexes of the Okhlebinino burial ground] // Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala / Otv. red. B.B. Ageyev. Ufa: IIYaL UNTS RAN, 1993. S. 32-61.

Sadykova M.H., Vasil'yev V.N. Pozdniye prokhorovtsy v Tsentral'noy Bashkirii [Late Prokhorovka tribes in Central Bashkiria] // UAV. Vyp. 3. 2001. S. 55-80.

Savelev N.S. Proiskhozhdeniye gafuriyskogo kompleksa lesostepi Yuzhnogo Priural'ya serediny – vtoroy poloviny I tysyacheletiya do n.e. [The origin of the Gafury forest-steppe complex of the Southern Urals in the middle - second half of the 1st millennium BC] // Ranniye kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy mezhdunar. nauch. konf. «Ranniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshikh otkrytiy». Orenburg, 21-25 aprelya 2008 g. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2008. S. 116-136.

Savelev N.S. Proiskhozhdeniye keramicheskikh importov kara-abyzskoy kul'tury lesostepi Yuzhnogo Priural'ya (IV-III veka do n.e.) [The origin of ceramic imports of the Kara-Abyz culture of the forest-steppe of the Southern Urals (IV-III centures BC)] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 15 (196). Istoriya. Vyp. 40. 2010a. S. 5-13.

Savelev N.S. Keramicheskiye importy kara-abyzskoy kul'tury: ikh proiskhozhdeniye, kontekst i datiruyushchiye vozmozhnosti [Ceramic imports of the Kara-Abyz culture: their origin, context and dating possibilities] // Arkheologiya i paleoantropologiya yevraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy (MIAR. № 13) / Otv. red. M.M. Gerasimova, V.Y. Malashev, M.G. Moshkova. M.: TAUS, 2010b. S. 299-322.

Sadykova M.H. Sarmatskiye pamyatniki Bashkirii [Sarmatian monuments of Bashkiria] // Pamyatniki skifo-sarmatskoy kul'tury / MIA. № 152. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. S. 242-273.

Skripkin A.S. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i yeyo istoricheskiy aspect [Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect.]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1990. 299 s.

Tairov A.D. Sargatskaya kul'tura Srednego Pritobol'ya [Sargat culture of the Middle Tobol region] // Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. T. 2. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'ye. Chelyabinsk: Izdatel'stvo YuUrGU, 2000. S. 94-118.

Troitskaya T.N., Borodovskiy A.P Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [The Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 s.

Umanskiy A.P, Shamshin A.B., Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'ye Obi [Burial ground of Scythian time Rogozikha-1 on the left bank of the Ob region]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 2005. 204 s.

Fedorov V.K. Klinkovoye oruzhiye i kolchannyye nabory IV-III vv. do n.e. (o vremeni poyavleniya na Yuzhnom Urale mechey i kinzhalov prokhorovskogo tipa) [IV-III centuries BC blade weapons and quiver sets (about the time of the appearance of swords and daggers of the Prokhorovka type in the South Urals)] // Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey. Vyp. 1 / Otv. red. I.V. Sergatskov. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, 2001. S. 180-197.

Fedorov V.K. Kurgan 12 mogil'nika Staryye Kiishki [Barrow 12 of the burial ground Stary Kiishki] // UAV. Vyp. 11. 2011. S. 28-38.